

Владимир Кузьмин
Звезда сыска
Серия «Приключения Даши Бестужевой», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571005
Звезда сыска: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44629-2

Аннотация

Никогда прежде знаменитый «Гамлет» столь полно не оправдывал название трагедии... Сразу после спектакля, во время торжественного фуршета для избранной публики, в театре произошло тройное убийство. Дерзкое преступление, неслыханное для губернского города Томска! Злодей скрылся, не оставив улик. Полиция теряется в догадках, ведь подозревать можно любого из зрителей или артистов. Убийцу, а вернее, его тень на стене видел один-единственный свидетель – пятнадцатилетняя Дарья, внучка суфлера. Решительная барышня не собирается оставаться в стороне от расследования. И, кажется, только ей под силу вычислить преступника...

Детектив-лауреат Национальной детской литературной премии «Заветная мечта» в номинации «Лучший детский детектив».

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
6	20
7	21
8	27
9	30
10	35
11	37
12	40
13	45
14	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Кузьмин

Звезда сыска

Ой, а с чего же все началось? Я вот прекрасно помню, как и где все закончилось – на Базарной площади, в часовне. А вот с чего началось? Выходит, что с того страшного убийства, но мне все казалось, что все же раньше. Пожалуй, с самого нашего приезда в этот город. Нет! Все началось с того, что дедушка простудился.

1

– Дед, лежи. Лежи, я тебе сказала. А то ругаться буду. Я тебе что вчера говорила? Чтобы ты на извозчике возвращался! По такой слякоти ноги промочить и заболеть – дело нехитрое. Не послушался, теперь лежи. Сейчас велю Пелагее чаю с малиной дать. И чтобы все выпил, укрылся одеялом и лежал. А в театр я сама схожу.

Дед виновато поглядывал из койки, но молчал. Я уж не стала его попрекать, что он накануне не только ноги промочил, но и горло. Похоже, опять с Михеичем так о Шекспире заспорили, что без стопки не могли разобраться, кто прав, а кто ерунду говорит. Вот и завернули в трактир к Портнову. А то где еще анисовую водку подают? Дед по глупости полагает, что если от него анисом пахнет, так я водку и не учую.

– Дашенька! – наконец дед набрался храбрости подать голос. – Давай я хоть записку господину Корсакову напишу.

– Так и быть, – смиростивилась я. – Пиши. Да не забудь прописать, что я нынче вместо тебя отработаю. А то с Александра Александровича станется премьеру отменить. Забоится вдруг, кто роль забудет, а тебя нет и подсказать некому. А тут Шекспир, любезные вы мои! Тут текст портачить никак не дозволено!

Дед заулыбался – передразнивать господина Корсакова у меня всегда получалось забавно.

– Пропишу, Дашенька! Пропишу обязательно. Никак нельзя сегодня спектакль отменять. Уж больно славно все получается. И Офелия у нас чудо как хороша, и Гертруда. Да и сам Александр Александрович – Гамлет, каких по всей Европе поискать, и то мало сыщется. Опять-таки билеты, по всему судя, уже все проданы. Никак невозможно отменять. А может, того? Я вот сейчас чайку с малиной попью и сам в театр доберусь? На извозчике. И тулуп надену, а?

И закашлялся. И испариной вмиг покрылся. Ну какой из него сегодня суфлер¹? Не хватало, чтобы публика вместо господ актеров его хрип да кашель слушала. Опять же мне не впервой деда подменять. А уж сочинение господина Шекспира «Гамлет, принц датский» я и вовсе наизусть знаю. Наше дело господина антрепренера Корсакова убедить, а уж сами мы не оплошаем.

Я дала деду напиток, подала четверть листа бумаги и карандаш. Дед тут же сунул кончик карандаша в рот, чтобы лучше обдумать послание, но я строго на него взглянула, и дед тотчас же вынул карандаш. Ну и кто из нас дитя малое, неразумное? Я, правда, порой тоже карандаши мусолю. Но не прилюдно же!

– Пиши, дедушка, – уже ласково попросила я. – Пойду насчет чая горячего распоряжусь.

Квартировали мы с дедом моим Афанасием Николаевичем Кузнецовым у вдовы поручика Иванова. Женщина она была тихая, но нрава строгого, а потому не сильно обрадовалась, как мы к ней на постой попросились. И пожалуй, что отказала бы. А чего ей? Пенсии хватает, а постояльцев берет разве для того, чтобы не так скучно жилось. Потому и выбирает их из людей обстоятельных, под стать своему характеру. Театральный же люд к обстоятельным ну никак не отнесешь. Да только мне место и дом понравились. Далеко не окраина, но цену вдова просила небольшую. И дом был хорош. Просторный дом и потолки высокие. Страх как не люблю жить с низкими потолками. Я про все это ей и сказала. И еще объяснила, что дед мой, хоть и при театре служит, но человек он положительный, смирный и тихий. В

¹ Суфлер – работник театра, подсказывающий артистам слова роли. Раньше в театрах ставили спектакль раз, а то и два в неделю, и выучить роль наизусть часто не удавалось.

общем, разговорила я добрую женщину, добилась расположения, а вслед за тем и разрешения квартироваться у ней на весь сезон. Очень мы с дедом довольны были. Где еще найдешь такую комнату за два рубля в месяц? Вон в меблированных номерах такие деньги за неделю дерут! И что там хорошего? Гвалт да шум круглые сутки. И клопы с тараканами. А тут еще выяснилось, что кухарка у офицерской вдовы такова, что ей у какого генерала кухарить не зазорно. Так что за дополнительные два рубля мы еще и достойным пропитанием обеспечены стали.

Вот и сейчас, несмотря на раннее время, у Пелагеи уже и самовар закипал, и в печи что-то вкусное томилось.

– Здравствуй, Пелагея! – поздоровалась я, стараясь не шуметь, потому как хозяйка еще не вставала.

– Здравствуй, птаха ранняя, – ответила кухарка.

– Может, дров принести надо или воды? – предложила я.

– Да вроде сама уже управилась, – доложила Пелагея. – Так ты не хитри, проси чего надобно.

– Дед простудился, чайку бы ему, с малиной.

– По такой непогоде, какая вчера случилась, осторожнее надо было. Побережься бы, – запричитала Пелагея, походя доставая с полок мешочек с сушеной малиной и жбан с медом. – Ладно, мы его на ноги враз поставим, чаем мы его сейчас согреем и мед у нас хорош. Со своей пасеки. У вас там, в Москве, такого меда не сыскать.

– Твоя правда, Пелагеюшка. Мед, такой как здесь, нигде не найти. В Москву, конечно, всякое привозят. Да только стоит там такой мед на вес золота.

Пелагее похвала понравилась. Была она женщиной молодой, круглолицей, а когда улыбалась всей своей белозубой улыбкой, так и вовсе становилась красавицей. И по кухне она не ходила, а проплывала от печи к столу, от стола к полкам. Любо-дорого посмотреть.

– Пелагеюшка, ты как чай готов будет, деду занеси. А то мне в театр надо, предупредить, что Афанасий Николаевич заболел. Да и подменить его надо.

– Это кто ж в театре в такую рань будет? Господа актеры – они до полудня спать приучены!

– Так сегодня премьера у нас. А с утра генеральная репетиция. Вот я и хочу заранее прийти, чтобы успеть во всем разобраться.

– Ох и любишь ты, Дарья Владимировна, порядок везде наводить. Хоть и не мое это дело, конечно. Но вот без завтрака убегать и думать не могли. Садись за стол здесь, раз спешишь.

Я толком и примоститься не успела, как передо мной появилась тарелка с дымящейся кашей и горячие пирожки с рыбой и вязигой². Здесь, в Сибири, не только мед был отменен. Но еще и рыба, и масло, и постное масло, хоть репейное, хоть подсолнечное, хоть льняное. Про кедровое масло и вовсе особый разговор нужен.

Быстро управившись с завтраком и поблагодарив Пелагею, хотя до блеска вычищенная тарелка для нее уже главной благодарностью была, я выглянула еще раз в окно. Непогода закончилась еще затемно. Это вчера валил с небес мокрый снег, и под ногами хлюпало, что на тех болотах, про которые здесь так любят байки и побасенки плести. Ночью же похолодало, ветер почти притих, а к утру совсем дуть перестал. А снег все продолжал валить и валить, засыпая крыши и улицы. Интересно, насколько сейчас на улице холодно? Хотя та же Пелагея говорит, что когда идет снег, сильного мороза быть не должно. Но у них в Сибири сильный мороз – это когда деревья от стужи трескаются. И птицы на лету замерзают. По мне же, лужи замерзли – так уже стужа. Потому и надела не пальтецо, а беличью шубку. В Москве

² Вязига – хрящи осетровых рыб, отваренные и измельченные.

за такую пришлось бы отвалить месячное дедово жалованье, а то и того больше. Здесь же это добро стоило совсем ничего.

Дед к этому времени давно уж закончил свое письмецо и не без удовольствия запивал чаем мед. В комнате смешались ароматы меда и малины, печи давно уже прогнали накопившуюся за ночь прохладу. Лето, да и только! А я в шубе в сибирскую зиму собираюсь.

2

До Новособорной площади, где стоит театр, идти можно было двумя путями. Можно было свернуть направо, а можно и налево. Налево получалось заметно быстрее, но по плохой погоде там легко было в грязи увязнуть. Но сегодня снег под ногами вкусно поскрипывал, а это верный знак того, что все лужи и вся грязь не только укрылись под снегом, но и замерзли. Прохожие уже протоптали в обе стороны изрядные тропинки в наметенных за сутки сугробах, а кое-где и дворники успели разгрести снежные завалы. Деревья стояли в шапках из снега. Было очень красиво и совсем не холодно, хотя дыхание и замерзало паром.

Я чуть подумала и решила идти влево. До самого моста тянулись лишь деревянные дома в один, редко в два этажа. А уже за мостом между ними стали встречаться и каменные здания. Почтамтская и вовсе была застроена сплошь большими каменными домами. Многие из них были бы уместны и в самой Москве. А Троицкий собор и вовсе как две капли воды был схож с храмом Христа Спасителя. Разве что меньше размерами. Но все равно – огромный, по большим праздникам в нем по две с половиной тысячи людей собиралось. Дышалось и шагало так легко и весело, что даже захотелось прогуляться немного дальше театра, чтобы посмотреть, как после снегопада смотрятся университетские клиники, сам Императорский университет и окружающая их березовая роща. Но желание попасть в театр побыстрее было сильнее, и я свернула к служебному входу в наш храм Мельпомены.

Первым на глаза попался, конечно же, Михеич, мастер шумов и старинный дедушкин приятель.

– Здравствуй, дочка! – обрадовался он моему появлению. – Рад тебя видеть. Можно сказать, что несказанно рад.

– А ты, Михеич, подожди радоваться. Ты мне лучше ответь – это с тобой дед опять куролесил накануне?

Михеич растерялся, не зная, чего и сказать в ответ.

– И к Портнову заходили?

– И откуда ж ты все всегда знаешь? Оно, конечно, что дед в моем обществе вчера пребывал, о том догадаться несложно. С кем ему еще умные мысли обсуждать? А вот про Портнова от кого проведала?

– А куда вы еще анисовую водку пить ходите? Я ведь такие запахи за версту чувствую. Ладно, недосуг мне с тобой разговоры разговаривать. Ты мне лучше скажи, господин Корсаков уже прибыли в театр?

– Прибыли, прибыли. Да что случилось, из-за чего такое спешное дело к господину Корсакову?

– Дед простудился, я сегодня его замещать должна.

– Вот не было печали. Ну, так ты иди, Дашенька. Господин Корсаков у себя в уборной, не иначе. А что, дед сильно захворал?

– Думаю, пару дней пролежит. А вот вы все тут в конце концов так заболаете, что надолго сляжете. Почему опять не топлено?

– Так господин хозяйственный распорядитель все дрова экономят. Говорят, что дров едва хватит на спектакли топить...

Я не стала дослушивать и прошла на второй этаж к артистическим уборным. Александр Александрович Корсаков и впрямь был у себя. Сидел перед зеркалом в накинута на плечи шубе и, похоже, проговаривал монологи. Про себя, не вслух. Он так любит: сидит тихо, и лишь губы двигаются безмолвно. Я чуть постояла в дверях, не зная, стоит ли мешать. Опять же жуть как интересно было посмотреть за господином Корсаковым, когда он вот так

репетирует. Вроде ничего не слышно, но по тому, как лицо меняется, свободно можно догадаться, какие слова у него в этот миг в голове.

Александр Александрович в конце концов, видимо, сбился, потому как нахмурил брови обиженно и совсем уж не по-театральному. Ну я и решила подсказать. Суфлер я или не суфлер? Потомственный! Так кто же должен актеру реплику подать?

– Уснуть и видеть сны... – полушепотом, но очень четко произнесла я.

– Ну да, конечно! – воскликнул обрадованный актер. – Благодарю вас, юная барышня. Чем могу честь иметь и оказать содействие такой приятной особе?

– Здравствуйте, Александр Александрович! Во-первых, попрошу вас распорядиться, чтобы печи начали топиться, как положено, а то у нас все актеры на генеральной репетиции простуду подхватят.

– Так я... Уже того... Спрашивал на сей предмет господина Шишкина. Но он уверяет...

– Что дров мало! – закончила я. – Чушь! Дров в театре достаточно. А экономии господин хозяйственный распорядитель пытается вести в корыстных целях. Я даже знаю, кому он их продать намерен. Если что, так я самому Евграфу Ивановичу пожалуюсь. Ему вряд ли понравится, что его дровами не театр собираются отапливать, а трактир господина Елсукова, что на Московском тракте.

– Ну так это все меняет, – сказал господин Корсаков и, выглянув в коридор, прокричал так, что слышно было, наверное, и на самой площади. – Михеич! Будь любезен, отыщи-ка мне срочным порядком господина Шишкина.

Моя скромная персона на время перестала существовать для Зевса-громовержца, в какового превратился в единый миг господин антрепренер³. Что произвело сильнейшее впечатление на примчавшегося Шишкина.

– Любезный... как там вас? – спросил Зевс, хотя, несомненно, помнил имя-отчество вопрошаемого, и от стужи, звенящей в голосе Александра Александровича, в театре стало совершенно зябко.

– Митрофан Евлампиевич... – заробел господин хозяйственный распорядитель.

– Сие неважно! Непозволительно, любезный, вводить в заблуждение людей, вверенных вашему попечению. Извольте распорядиться насчет печей, иначе о вашей злокозненности станет известно господину Королеву. Навряд ли ему понравятся замышляемые вами и дружкой вашим господином Елсуковым каверзы в отношении дров.

– Помилуйте...

– Не помилую. Ступайте, любезный, и не отвлекайте меня более от служения искусству!

– Да я мигом! Сей момент будет жарко!

– Вот именно, сей момент.

Шишкин выскочил за двери, успев бросить в мою сторону подозрительный взгляд, а господин Корсаков подмигнул мне и раскланялся. Я зааплодировала:

– Bravo! Брависсимо!

– Ну, пустое! – заскромничал вдруг актер. – Вы мне вот что лучше сообщите, сударыня, откуда вы всегда про все знаете? Я вот ни на миг не усомнился, что дрова наши могут сгореть в печах елсуковского трактира. Но вы-то трактиров не посещаете?

Я пожала плечами:

– Просто я на прошлой неделе слышала, как господин Шишкин спорил с кем-то. Он просил по четвертному⁴, а тот больше чем на двугривенный⁵ не соглашался. Наша хозяйка

³ **Антрепренер** – руководитель антрепризы, театральной труппы, собранной для временной работы, для постановки одного спектакля или для работы в течение одного сезона, как в данном случае.

⁴ **Четвертной** – монета в двадцать пять копеек, в четверть рубля.

не так давно купила дрова по тридцати копеек за сажень⁶. Так о чем могла идти речь возле дровяного сарая? Ну а кто приходил к Шишкину в тот раз, мне тот же Михеич сказал. Он-то как раз трактиры посещает и всех их хозяев в лицо знает.

– А может, господин Шишкин, напротив, сговаривался с трактирщиком о том, чтобы у того дрова прикупить?

– И притом предлагал более высокую цену, а продавец кричал: «Как хотите, но больше двугривенного с вас по великой дружбе не возьму!»?

– Логично. У вас потрясающие способности, сударыня. Вам бы на сцену, для актрисы жизненная наблюдательность и умение делать выводы отнюдь не лишни.

– На данный момент у меня более скромные намерения. Афанасий Николаевич заболел, и я намерена его заменить на сегодняшней премьере.

Господин Корсаков для начала сделал большие глаза, а затем побледнел вполне натурально.

– Но позвольте! – вскричал он. – Это никак невозможно! А вдруг кто из актеров забудет роль! Это же сочинение господина Шекспира! Тут никак невозможно текст портачить!

Господин Корсаков забежал по уборной – аж в глазах зарябило. Я дала ему вволю выговориться и, лишь когда он умолк, вежливо попросила:

– А вы меня испытайте. И потом, я уже подменяла дедушку. Извольте припомнить.

– Припоминаю. Но то была лишь репетиция. И потом в тот раз мы ставили не «Гамлета»! Не могу я девице четырнадцати лет от роду доверить дело столь ответственное.

– Пятнадцати, – поправила я.

– Что? А, все едино! Никак невозможно! Нет, надо поставить суфлером кого-то из актеров.

– Все актеры заняты в пьесе. Вы даже господина Массалитинова из любителей привлекли – Лаэрта играть.

– И все равно – я не могу пойти на такой риск!

– Что ж, извольте отменить премьеру, – со вздохом согласилась я. – Нужно только вернуть зрителям деньги за билеты. Дайте распоряжение кассиру.

Служенье музам, конечно же, бескорыстно. Но возвращать полный кассовый сбор! Покажите мне хоть одного антрепренера, который на это согласится.

– Сударыня, это шантаж! – заявил господин Корсаков, который нес ответственность перед труппой за сборы.

Я пожала плечами, в целом соглашаясь с такой оценкой. Александр Александрович еще чуток побегал по помещению. Потом замер, зажмурился и, покрутив указательными пальцами, попытался их соединить, не раскрывая глаз. Пальцы сомкнулись.

– Быть или не быть? – тем не менее возопил трагик.

– Ну конечно же быть, – оставила я за собой последнее слово.

– Извольте лезть в будку⁷, – пробурчал Александр Александрович. – Репетицию начнем через четверть часа.

– Вот еще! – не удержалась я. – В будке сквозняк. Вот протопят, как положено, и я на спектакле в будку залезу. А сейчас увольте, рискуете без последнего приличного суфлера к вечеру остаться.

Корсаков не выдержал и рассмеялся.

⁵ Двугривенный – «два гривенника», две монеты по десять копеек или одна в двадцать.

⁶ Сажень – мера длины, примерно полтора метра.

⁷ Речь идет о пространстве под передней частью сцены, в котором размещался суфлер. Если оно отделялось загородками, тогда, в самом деле, получалась «будка», но суфлерское место так называли в любом случае.

3

Отведенные до начала репетиции четверть часа необходимо было с толком использовать и подготовиться к ней должным образом. Я оставила в каморке Михеича шаль и рукавички, шубку набросила на плечи – хоть в печах уже и гудело жаркое пламя, но в театре все еще было прохладно – и отправилась в буфет.

– Наше почтение! – закричал, завидев меня, наш буфетчик Петруша, и голос его гулко разнесся по пустому фойе. – Несказанно рад вас видеть, сударыня Дарья Владимировна!

– И я вас рада видеть, сударь! – поддержала я его игру. – Петруша, будь добр, сделай мне чаю. С лимоном и медом, но не сладкий и не горячий, а теплый.

– Мне Афанасия Николаевича вкусы известны. Так что сделаю все в лучшем виде и занесу ему к началу репетиции.

– Дедушка заболел, так что мне придется его подменять. Я пока в будку не полезу, сяду с краю сцены. Не потеряешь?

– Не потеряю! – заулыбался Петруша. – Как можно такую красоту потерять?

И, не давая мне сказать что-либо ехидное в ответ – знает ведь, что не люблю я таких комплиментов, перевел разговор на другое:

– А что с дедом? Вчера с вечера был жив-здоров!

– Простудился дедушка. По вчерашней непогоде и слякоти дело это нехитрое.

– Ну, это не страшно. А не желаете ли, сударыня, конфет? Только что самых свежих доставили. Пралине⁸, аккурат такие, как вы любить изволите. Дозволите угостить?

– Не позволю, Петруша. От конфет во рту липко становится, чего доброго начну шепелявить:

– «Што дальшце? Дальше тишина!» – продекламировала я шепеляво, как будто у меня во рту и впрямь была конфета. – И кому это понравится?

– Мне даже так понравится, мне вас слушать всегда в удовольствие, – засмеялся буфетчик. – А вот и Александр Александрович.

Наш импресарио имел традицию перед началом каждого спектакля или генеральной репетиции, каковые он приравнивал к спектаклям, выпивать рюмочку шустовского коньяка. Поскольку спиртным он никогда не злоупотреблял, к этой его традиции я относилась вполне лояльно. Может, и вправду коньяк голосу способствует?

Александр Александрович поприветствовал буфетчика и, с явным удовольствием на лице, взял в руки уже приготовленную для него рюмку.

– А вот скажите мне, сударыня, – обратился он ко мне, приняхиваясь к рюмке, будто в ней было нечто вкусное – по мне, так коньяк нюхать удовольствие слабое, – возможно вы, с вашими способностями все и про всех замечать, и обо мне что-либо малоизвестное знаете?

Я задумалась, потому как отнеслась к вопросу серьезно. Но Александр Александрович расценил мое молчание на свой лад:

– Да вы не тушуйтесь, говорите как есть. Мне же интересно знать, какие такие слухи обо мне в труппе ходят.

– Да я не тушуюсь. И слухи не собираю, мало ли про кого какие глупости говорят. Я вспоминаю, что мне о вас доподлинно известно. К примеру, что фамилия вашего папеньки Астахов и что есть у вас два брата, которые на сцене выступают под фамилиями Ярославцев и Александров.

– Ну так я этих фактов не скрывал, – разочаровался Александр Александрович, но, секунду подумав, добавил: – Правда, на темы эти особо и не распространялся.

⁸ **Пралине** – начинка для шоколадных конфет, приготавливается из миндаля, обжаренного в сахаре.

– Иные все же скрывают свои настоящие фамилии, – сказала я. – Потому что причины имеют.

– Так поделитесь тайнами своими! – обрадованно потребовал господин антрепренер.

– Тайнами я бы делиться не стала. А так, для примера, сказать могу. Потому что вскоре все равно и без меня это тайной быть перестанет. Все равно почтальон ей письмо доставил и уже на весь город раструбить успел. О том, что инженеру⁹ наша, госпожа Никольская Елена, по паспорту числится Евдокией Дуниной. И факт этот скрывает изо всех сил.

– Господи, а чего ж тут такого, что скрывать следует? – удивился мой собеседник.

– Да вы сами догадайтесь, тут все причины очевидны.

– Ну-с, пожалуй, попробую использовать логику на ваш манер, сударыня. Дунина – само собой не слишком для афиши фамилия подходящая. Но и не настолько уж неблагозвучная, чтобы ее скрывать. Тогда что же? Что в имени моем... – продекламировал он из «Ромео и Джульетты» и осекся. – Стоп! Понял! Евдокия – это же у нас Дуня будет, если по-ласковому назвать. Дуня Дунина! Забавно! А для юной актрисы может казаться и совсем уж неприлично смешным.

Александр Александрович с ужасно довольным видом слегка поклонился мне – мол, и мы сообразительностью не обделены, – откинулся на спинку стула и отсалютовал мне рюмкой, которую, наконец, собрался поднести к губам. Но выпить свой коньяк так и не успел: в буфетной объявился наш швейцар, которого, как и Михеича, звали Григорием Михайловичем, и чтобы не путать с первым, для краткости называли Михалыч.

– Господин Корсаков! – завопил Михалыч, едва завидев антрепренера, из-за чего тот едва не расплескал свой коньяк.

– Что ж ты вопишь как оглашенный? – недовольно откликнулся господин Корсаков. – Пожар, что ли?

– Никак нет. Только что был посыльный от господина градоначальника. Тот нонче вечером не сможет быть на премьере, и по оной причине очень просит чуть задержать репетицию, чтобы иметь возможность на ней поприсутствовать. Говорят, не более чем через двадцать минут придут. Вот!

– Ну и чего вопить и людей пугать, есть же еще время, – сказал Александр Александрович, тем не менее отставляя свою рюмку и поднимаясь из-за стола. – Хорошо хоть в театре протоплено, – подмигнул он мне, – а то пришлось бы самому градоначальнику в шинели сидеть. Пойду распоряжусь, чтобы господа актеры костюмы одеть не забыли, а то выпрут на сцену по-домашнему, едва не в халатах и шлепанцах.

Никто из актеров труппы таких глупостей никогда себе не позволял, но не надеть на репетицию неудобный парик или тугое платье могли. А Александр Александрович, видимо, хотел, чтобы спектакль предстал перед глазами начальства в полной красе. Оно и понятно, градоначальник был подлинным ценителем театра, глубоко в нем разбирался, умел даже умное и важное подсказать. Ну и, само собой, нередко способствовал труппе в материальных затратах. Опять же и сама его должность требовала уважительного отношения.

Господин Корсаков, уже было направившийся за кулисы, вернулся и счел нужным предупредить:

– Михалыч, ты вот что, любезный друг, ты тоже ливрею надеть не забудь. Ну и встретить гостя как положено, шинель там прими, проводи в зал или за кулисы. Ну и за мной кого пошли, сообщить о прибытии. Да ты и сам все знаешь.

Он посмотрел на так и не выпитый коньяк, махнул рукой и быстро зашагал за кулисы.

– Вот ведь как обернулось, Петр Алексеевич, – обратилась я к буфетчику, – похоже, придется мне в суфлерскую будку лезть.

⁹ Инженю – актриса, играющая роли простодушных, наивных девушек.

– Все понял, Дашенька, – успокоил меня он. – Дорога мне известная и чаю вам подать я не забуду.

4

Генеральная началась чуть ли не через час, сразу после появления в театре градоначальника. Зато прошла на удивление: не всегда при полном зале так славно играют! Особенно порадовал Михеич. В той сцене, где принцу Гамлету является тень отца его покойного, ветер шумел и гром громыхал совершенно натурально. А Офелия, которую исполняла та самая госпожа Никольская-Дунина, даже меня едва не заставила слезу пустить. Что мне по должности ну никак не полагалось. Но все равно, в глазах у меня затуманилось так, что буквы стали расплываться. Хорошо, что никому текст в этой сцене подсказывать не пришлось. Правда, я эту пьесу наизусть знаю и вряд ли бы растерялась, даже не заглядывая в книгу.

Все пять актов пролетели совершенно незаметно. По окончании я вдруг заметила около себя сразу три стакана из-под чая! И когда только Петруша их приносить успевал? Я собрала пустую посуду и понесла стаканы в буфет, чтобы поблагодарить своего благодетеля. Раз все выпила, значит, во рту от волнения сохло, и без чая мне было бы непросто.

Господин Корсаков в одной из лож, как был в костюме принца датского, очень оживленно обсуждал спектакль с господином градоначальником.

– Нет, я просто счастлив, что напросился к вам на репетицию, – прикладывая от избытка чувств руки к груди, говорил ему градоначальник. – В жизни не простил бы себе – пропустить такое чудо. Право слово, едва не плакал от восторга! И уж как жалею, что вечером не смогу быть!

– Благодарю за добрые слова! Но, уважаемый Александр Сергеевич, мне бы больше хотелось выслушать ваши замечания, нежели комплименты. Вы же знаете, как труппа и я лично ценим ваше мнение...

– Помилуйте, какие замечания. Все, просто все было замечательно! Разве что...

Сказанного дальше я уже не услышала, потому что прошла мимо ложи и вышла из зала в фойе.

Петруши за буфетом не было, видимо, отлучился куда-то. Но, не поблагодарив его, уходить мне не хотелось. Поэтому поставив стаканы на стойку, я стала прогуливаться по фойе. Тут сверху, с лестницы ведущей в бельэтаж¹⁰ и на балконы, раздался жуткий топот и вниз буквально кубарем скатился мальчишка в гимназической форме. Завидев меня, он тут же принял серьезный вид и далее прошествовал уже вполне солидно и с серьезным выражением, мало соответствующим его раскрасневшемуся от беготни по лестницам лицу и взъерошенным волосам.

Я фыркнула, но мальчишка не смутился. Напротив, он изменил направление своего движения, подошел ко мне и, поклонившись, можно сказать, галантно, произнес по-французски:

– Bonjour, mademoiselle, – и, осмотрев меня с ног до головы, добавил опять-таки по-французски: – Un peu désordre sur la tête – c'est tres bien pour les jeunes filles¹¹.

Я уж было открыла рот, чтобы высказаться в ответ – само собой по-французски – в том смысле, что лучше бы он сам причесался, и еще добавить пару слов по поводу его французского языка и ужасного произношения, но в голове у меня мелькнула мысль, что лучше будет притвориться непонимающей. Вдруг мальчишка в другой раз скажет что-либо более

¹⁰ **Бельэтаж** (*фр. bel étage* «прекрасный этаж») – самый лучший и самый удобный ярус в театре. Обычно второй снизу, сразу над партером.

¹¹ Здравствуйте, мадмуазель. Легкий беспорядок на голове – лишь добавляет красоты молоденьким девушкам. (*фр.*)

значительное или, того вероятнее, более глупое, в расчете, что его не понимают. Вот тогда мы и отыграемся.

– Чаво? – спросила я, сильно переиграв в изображении простушки.

Гимназист вздохнул, видимо, сочтя меня полнейшей дурой, но нашел нужным ответить:

– Я поприветствовал вас, сударыня, и поинтересовался – не являетесь ли вы актрисой, – без тени смущения соврал лохматый бегун по лестницам.

– Ой, что вы? – сделала я смущенный вид. – Я, конечно, служу при театре, но в куда более скромной должности.

На лице моего визави отразилось очевидное любопытство. Скорее даже искренний интерес. Но, похоже, он был горазд только шутки шутить, а о серьезном сказать сразу засмущался. Смелости он набрался через такую длинную паузу, что мне уже начало становиться скучно:

– Не сочтите мою просьбу нескромной: не могли бы вы мне показать театр, – наконец выпалил он и даже покраснел.

В самой этой просьбе не было ничего удивительного, но я как-то успела настроиться на несерьезность необычного посетителя и оттого даже чуть растерялась. Поэтому и сказала не совсем то, что собиралась сказать:

– А это не вас ли вашему папеньке пришлось у гимназии дожидаться?

– Какому папеньке?

– Вашему папеньке. Господину градоначальнику.

– Э-э-э... А с чего вы взяли, что я сын градоначальника?

– Так в гардеробной всего две шинели висят: одна – взрослого человека, другая – гимназическая. А иных гостей, кроме градоначальника, у нас сейчас в театре нет. И гимназистов иных, помимо вас, тоже нет. Так чью бы шинель могли рядом с его повесить? Наверное, сына. То есть вашу.

Мальчик кивнул, мол, понятно.

– Ну, а почему вы решили, что он меня у гимназии ждал?

– Помимо шинели, там еще и ранец висит. Вряд ли вы его в театр потащили бы из дому или еще откуда. Только из гимназии. Посыльный же от вашего папеньки сказал, что они будут не позже чем через двадцать минут, а прибыли почти через час.

– А вот тут вы и ошиблись! – буквально возликовал мой собеседник. – Это не он меня, это я его дожидался. Вернее, ждал-то я не папеньку, а наши сани. Но он на них на станцию ездил по делу. Поэтому и задержался к вам. А гимназия, она же по пути. Вот меня и прихватили, но домой заезжать мы не стали, а то бы совсем уже опоздали. А я этому и так-то обрадовался, а теперь рад вдвойне.

– С чего бы это?

– Дома скучно: обед, уроки. А здесь я очень хорошую пьесу посмотрел.

– Рада, что вам понравилось. Но это пока еще вдвойне получается: уроки делать не заставляют и пьеса понравилась. Что же в-третьих?

– Опять же очень приятно было встретить человека, способного так непринужденно пользоваться дедукцией. Вы, несомненно, читали рассказы о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе?

– Читала! Вот только логично рассуждать я и без этих рассказов умела. Да и вообще, у мистера Конан Дойля ошибок в рассуждениях немало.

Похоже, мне удалось еще раз ошарашить нового знакомого:

– Это где же вы ошибки нашли?

– Вот, к примеру, есть один рассказ, в котором Холмс с доктором Ватсоном оставленную подозреваемым шляпу рассматривают. Так ваш хваленый Шерлок Холмс не находит

сказать ничего умнее, чем что хозяин шляпы очень умный человек. По единственной причине – у шляпы большой размер, следовательно и голова большая, и ума в ней много должно быть. Вам не кажется, что в подобном заявлении логики нет ни на ломаный грош?

– Ну, я как-то это пропустил. Но в большинстве же случаев дедуктивный метод очень точен и выводы мистера Шерлока Холмса...

– Да что ж вы так за мистера Шерлока Холмса переживаете? Это же только истории, придуманные писателем! Мне они тоже очень нравятся, вот только в жизни так редко получается.

Тут мы заговорили про последние рассказы об английском сыщике, кто и что прочел из этих вещей, потом разговор как-то перешел на гения русского сыска Ивана Путилина¹², а следом на Ната Пинкертон¹³.

– Мне сейчас, ну после ваших слов об ошибках мистера Холмса, даже кажется, что Пинкертон в чем-то его и превосходит.

– Да что вы говорите! Мистер Шерлок Холмс – просто гений рядом с вашим Пинкертоном! Холмс мыслит, разгадывает загадки. А ваш хваленый Пинкертон только и делает, что вынюхивает, подслушивает и подглядывает. Так и узнает обо всем. Понятное дело, что мальчишкам нравится, когда много стрельбы и драк, но литература все же должна давать простор для фантазии и игры разума.

– Ага! Но сами-то вы читаете! Было бы неинтересно, так и читать не стали! Опять же, в сегодняшней пьесе вон сколько народу поубивали, но вы же не станете говорить, что это произведение плохо?

А действительно, чего я так накинулась на бедного Пинкертон¹³? Может быть, он и ни при чем? Может, мне просто захотелось переспорить гимназиста и оставить за собой последнее слово? Только вот с чего бы? Додумать мне не дали, мы так увлеклись разговором, что и не заметили, как подошли господин Корсаков и господин градоначальник.

– Приносим наши глубочайшие извинения, что вынуждены прервать ваш литературный диспут, – произнес Александр Александрович таким тоном, будто и впрямь был весьма расстроен этим обстоятельством, – но вашему оппоненту, сударыня, пришла пора покинуть храм Мельпомены¹⁴.

Закончил он эту тираду столь печальным вздохом, что все рассмеялись.

– Да уж, сударыня, не обессудьте, но нам действительно пора! – подтвердил градоначальник. – Счастливо всем оставаться и удачной премьеры.

Александр Александрович дождался, пока гости отойдут достаточно далеко, и трижды сплюнул через левое плечо.

Чтобы не сплзнуть удачу. Потом подошел к стойке, где его дожидалась прикрытая салфеткой рюмка шутовского коньяка, с превеликим удовольствием опрокинул его в рот, бросил туда же ломтик лимона и зажмурился от наслаждения. Открыв глаза, он счел нужным подмигнуть мне:

– Сударыня, извольте пройти в зал для получения последних инструкций. Вам полагается их выслушать как участнику спектакля.

¹² Иван Путилин – сыщик, герой рассказов Романа Доброго, бывших очень популярными в то время.

¹³ Нат Пинкертон – тоже весьма знаменитый литературный сыщик.

¹⁴ Храм Мельпомены – храм музыки трагедии, то есть театр.

5

Времени до вечернего представления осталось достаточно, чтобы успеть прогуляться до дому, пообедать, рассказать дедушке новости и вернуться, в строгом соответствии с правилами, за час до начала премьеры.

Хотя, честно сказать, суфлеру, то есть мне, приходится заранее нужды нет никакой. Тем более что у меня лично все было готово заблаговременно. Но мне всегда нравилась царившая за кулисами в преддверии премьеры суэта.

– Александр Александрович, как тебе кажется, мне в этом парике играть или лучше будет вот в этом? – терзала в коридоре нашего антрепренера госпожа Немирова-Бельская.

– Ты, матушка, меня уж в который раз спрашиваешь?

– Так ты мне ответить так и не соизволил!

– Я тебе, матушка, в пятый раз отвечаю: мне все едино – тот парик или этот. Ты, будь любезна, реши это сама.

– Как же я могу сама, когда ты у нас за режиссера? И потом, с чего ты меня начал матушкой величать?

– Так ты, матушка, мне сегодня матушкой приходишься. Или ты не королева Гертруда, а я не принц Гамлет?

– Саша, мне сейчас не до шуток. Уж будь так любезен и скажи: какой парик мне надеть?

– Катя, надень, пожалуй, этот, – господин Корсаков, не глядя, ткнул в один из париков, которыми столь назойливо крутили у него под самым носом.

– Но он же не идет к красному платью в четвертом действии!

Александр Александрович недоуменно развел руками и обвел взглядом всех присутствующих, как бы ища поддержки. Но присутствующих было совсем немного – помимо его самого и госпожи Бельской рядом оказалась лишь я. Тем не менее господин антрепренер кинулся ко мне со всех ног.

– Совершенно забыл напомнить вам, сударыня, что мы урезали ту часть сцены, где Гамлет беседует с Розенкранцем и Гильдерстерном. Вы уж постарайтесь не сбиться.

– Спасибо, что напомнили, – пришлось мне поддержать его игру, затеянную с единственной целью: избавиться от приставаний актрисы. – Не собьюсь, будьте уверены.

Господин Корсаков похлопал меня по плечу и скрылся за дверью своей грим-уборной. Госпожа Бельская так и осталась стоять в одиночестве с двумя париками в руках.

– Екатерина Дмитриевна, а позвольте мне вам совет дать? – обратилась я к ней.

– Да-да, конечно, с удовольствием вас выслушаю, Дашенька, – растерянno пробормотала она в ответ.

– Вы в первых актах, когда в черном платье играете, наденьте вот этот парик. А в последнем – этот. Раз вы платье меняете, то можете и прическу поменять?

На лице актрисы выразилась задумчивость, потом явное удовольствие:

– А что? Это мне нравится. И пусть Саша обижается на самого себя, что не сумел придумать столь очевидного.

Я разделась в комнатке Михеича и отправилась посмотреть, чем он сам сейчас занимается – вдруг ему нужна помощь?

На сцене за закрытым занавесом рабочие проверяли, плавно ли спускается с колосников¹⁵ задник¹⁶ для второй части спектакля. А Михеич менял электрическую лампочку в рампе¹⁷.

¹⁵ Колосники – пространство над сценой.

¹⁶ Задник – часть декорации, обычно большое полотнище во все пространство задней части сцены, часто расписанное

– Помочь не нужно? – спросила я.

– Да нет, спасибо, я уже заканчиваю. Эх, а давно ли при свечах играли? Хотя ты уже и не помнишь?

– Ой, помню, Михеич. Видать, я тоже не совсем уже молодая.

Михеич засмеялся, а я подошла к порталу, то есть к боковому краю сцены, чтобы отогнуть край занавеса и выглянуть в зал. Публика уже начала занимать свои места, хотя большая ее часть сейчас оставалась в холлах и у буфетов.

– Театр уж полон, ложи блещут? – спросил меня управившийся с последней лампой Михеич.

– Блещут, а как им не блистать. И как только публика узнаёт, что спектакль будет хорош? На прошлой премьере едва не треть мест пустовала, а на сегодня все билеты проданы заранее.

– Да уж, кассир наш еще с утра в банк ездил выручку сдавать.

– Михеич, ты же в этом городе уже не раз бывал? Как раньше публика театр жаловала?

– Ну, раньше... Раньше совсем иное дело. Это сегодня публика разборчива стала. Ей сегодня только самое лучшее подавай. Насмотрелись зрители на многое. Опять же, как университет здесь открыли, много образованного народу приехало, профессора из Москвы, Петербурга. Этим ерунда всякая не интересна. В былые же годы народ до зрелищ голодный был, вот и ходили в театр в любом случае. В старом еще театре, он деревянный был – как только не сгорел? – а стоял аккуратно напротив, на том месте, где сейчас университетские клиники стоят. Так вот, туда всякий, кто полагал себя образованным человеком, считал обязательным прибыть на премьеру с чадами и домочадцами. Бывало, с раннего утра прислугу присылали: ложу приготовить. Вымести, вымыть... И это еще полдела. Ковры с собой везли, самовары. Пока хозяева спектакль смотрят, в фойе дым коромыслом – самовары кипятят. А в антрактах пузатых в ложи тащат, чай гонять. Само собой, одним чаем дело не обходилось: там и закуски разные, и выпечка, и баранки. Ну а где все это имеется, как же без водочки и наливочек обойтись? Иной раз господа купцы так этим делом увлекались, что им уже все едино становилось, что на сцене происходит. А еще кресла собственные не только в ложи, но и в партер тащить не гнушались. Да всяк норовил кресло побогаче выставить. Так что споры, чье кресло краше, едва до драки не доходили. Да и доходили, честно-то сказать. Такой шум случался, что тушите свечи! Хорошо, если в зале губернатор присутствовал или градоначальник. Или главный полицмейстер. Только их и слушались драчуны. Хотя и то не всегда...

– Вот все говорят: тушите свет, а ты всегда про свечи...

– Ну, ты вот представь: в зале скандал, а свечи на сцене зажжены? Играть никак невозможно, а если ждать, когда скандал затихнет, то свечи уж прогорят до половины. Что же, менять их посередине акта? Вот и тушили свечи, если чувствовали, что скандал нешуточный. Потом снова зажигали. Да и действие сначала играть приходилось. Зато на галерее¹⁸ никогда ничего подобного не замечал, хоть там народ попроще собирается. Нынче публика куда культурнее стала.

– Жуть до чего интересно, – сказала я.

– Я вот тоже заслушался, – сказал Коленька Массалитинов, присутствия которого возле нас мы как-то не заметили. – Но у меня к вам, Дарья Владимировна, просьба небольшая есть. Поможете?

Коленькой его все в труппе называли исключительно за глаза, уж очень молодо он выглядел. Высокий, с красивыми черными волосами и мягким взглядом из-под пушистых

художником – изображением места действия: парк, лес или, как в данном случае, замок датского короля.

¹⁷ **Рампа** – ряд светильников, стоящих вдоль переднего края сцены, освещающие ее спереди и снизу.

¹⁸ **Галерея**, или **галерка** (иногда еще называвшаяся райком) – самый верхний и неудобный ярус в театре, с самыми недорогими билетами. Соответственно публика там собиралась самая простая.

ресниц, каким любая девушка позавидует. Вот эта мягкость, почти детская, во взоре и делала его еще моложе, чем он был на самом деле. Потому и звали его за глаза Коленькой. Но в глаза обращались непременно по имени и отчеству. В знак уважения, потому что господин Массалитинов¹⁹ хоть и был любителем, но в артистическом мастерстве никому в труппе не уступал. А по таланту рядом с ним мог встать разве что сам господин Корсаков. Вот и я согласилась, не спрашивая даже, о чем он попросит:

– Конечно, Николай Осипович! Можете мной располагать и просить о чем угодно.

Коленька Массалитинов чуть смутился, но просьбу изложил уверенно:

– Помогите мне пройти по тексту сцену дуэли. Там весьма важно быстро на реплики откликаться. Может так получиться, что мне некогда будет услышать вашу подсказку.

– Так идите в мою комнатушку, – посоветовал Михеич, на раз уловив серьезность просьбы и отнесшись к ней со всем уважением. – Везде суета, а там никто не мешает.

Роль Лаэрта, да похоже что и всю пьесу, Коленька знал назубок. Но, тем не менее проговорив с моей помощью текст названной сцены, расплылся в довольной улыбке. Похоже, ему эта дополнительная репетиция придала окончательную уверенность в себе.

– Спасибо вам от всей души! – поблагодарил он и на секунду задумался. – Позвольте, сударыня, но вы же не только в книгу не заглядывали, вы ее и вовсе в руки не брали?

В ответ я лишь пожала плечами, мол, кто еще, если не суфлер, должен текст хорошо знать. Но Массалитинов на мою показную скромность не поддался:

– Так вы всю пьесу наизусть знаете! – восхитился он.

Мне похвала понравилась, и я не удержалась похвастаться:

– И по-английски тоже.

– То-то все в театре к вам, несмотря на ваш юный возраст, обращаются на «вы» и столь уважительно. Позвольте еще раз выразить мою благодарность и мое восхищение! Все! Бегу переодеваться.

Потом, когда спектакль уже был почти сыгран, а принц Гамлет и Лаэрт лежали на сцене мертвыми, он умудрился еще подмигнуть мне и показать большой палец. Благо лежал он таким образом, что лицо и рука его были видны лишь из суфлерской будки. Может, специально так упал? Хотя падал он очень естественно, даже у меня на миг сердце екнуло: на одно крохотное мгновение поверила, что умирает Лаэрт по-настоящему.

¹⁹ Массалитинов Н. О. – впоследствии известный актер Московского Художественного театра.

6

«Что дальше? Дальше тишина!» – так сказано у самого Шекспира в финале этой самой пьесы. А вот ничего подобного! Шквал аплодисментов! Театру впору было обрушиться. Мне надоело считать, сколько раз закрывался и открывался занавес и актеры выходили на поклон, поэтому я потихоньку выбралась со своего рабочего места. Но и за кулисами царили гвалт и гомон несусветные. Господа актеры поздравляли друг друга с удачей, принимали поздравления от зрителей, пробравшихся за кулисы. А актрисы принимали еще и букеты цветов. Интересно, сколько может такой букет стоять здесь, в Сибири, да по нынешнему времени, когда на улицах уже снег лежит?

– Господа, господа! – над головами разнесся голос Александра Александровича. – Господин Алексей Евграфович Кухтерин²⁰ в честь премьеры организует фуршет²¹. Приглашены все. Прошу вас – не заставляйте себя долго ждать. Быстро переодеваемся и проходим в фойе.

Кухтерин был не только городским головой, не только одним из самых богатых купцов в городе и хозяином одного из самых красивых и огромных торговых домов, но и известным меценатом²², знатоком и любителем театра. Так что вполне мог пригласить всю труппу на фуршет. Понятное дело, что если бы там появился кто-то из обслуживающего персонала, их бы никто не прогнал. Господин Кухтерин прекрасно понимал, что без этих людей спектакль бы не состоялся. Но, все едино, чувствовали бы они себя там не в своей тарелке. Богу богово, а кесарю кесарево. Потому вскоре за кулисами остались лишь Михеич, кассир наш и бухгалтер в одном лице Алексей Иванович, хозяйственный распорядитель Митрофан Евлампиевич да я. Приятно было, что про нас и при таком раскладе тоже не забыли. Примчался один из официантов, принес мужчинам коньяку от господина Кухтерина, а мне коробку конфет, про которые я так и не дозналась – от того же господина Кухтерина они или это Петруша прислал.

Я уж начала собираться домой, но меня чуть задержал рецензент из газеты «Сибирская жизнь» Григорий Алексеевич Вяткин. Собственно говоря, он желал лишь уточнить фамилию артиста, исполнившего сегодня Горацио, тот прибыл в труппу лишь на этой неделе, потому господин журналист не был с ним знаком, а переспрашивать фамилию у самого актера считал неудобным и невежливым. Заняло это буквально секунды, но Григорий Алексеевич еще высказал несколько суждений по поводу спектакля, проверяя на мне, насколько эти суждения справедливы, чтобы использовать их в завтрашней рецензии. Было дело, я не так давно сделала ему замечание из-за такой вот рецензии. Он поначалу обиделся, потом пораздумал и согласился, что правота была на моей стороне. А потом стал, как бы невзначай, подходить ко мне после спектаклей и накоротке их обсуждать. Я и сегодня не была до конца уверена, что он и впрямь не знал фамилии артиста, а не использовал это в качестве предлога. Но мне это льстило, опять же беседовать с газетчиком было интересно. И о театре он много понимал. Единственно, язык у него был уж больно острым. Для фельетонов такое качество было необходимым, а рецензенту порой мешало. Можно было невзначай обидеть актера или актрису, а они люди очень ранимые. Из-за такой незаслуженной обиды у нас и получился тот небольшой скандал, который вылился в такие вот встречи.

²⁰ Кухтерин А. Е. – известный купец, миллионер.

²¹ Фуршет – Прием а-ля фуршет (*от фр. fourchette* – вилка) – совместный прием пищи, когда приглашенные едят стоя, свободно выбирая блюда и напитки, обслуживая себя сами. Более предназначен для общения, чем для угощения.

²² Меценат – человек, активно помогающий искусству, прежде всего материально.

7

Наконец господин журналист убежал в редакцию писать свою рецензию, а я вышла на улицу. Какое-то время я размышляла: насколько сейчас поздно и стоит ли мне брать извозчика или лучше пройти пешком. Как раз в этот момент из театра донеслись несколько хлопков. Я сначала решила, что это в каморке Михеича шампанское открыли, тем более что окно его располагалось как раз над самым крыльцом служебного входа. Но тут же сообразила, что им прислали коньяк, а вовсе не шампанское, а уж покупать его самостоятельно никто из них в жизни не додумался бы. Да и хлопки были слишком трескучими, совсем не так шампанское выстреливает. Опять же – кто станет открывать три бутылки кряду? Ой, я же конфеты забыла! Вот вернусь за своей коробкой, заодно и узнаю, что это за хлопки там раздавались.

Я возвратилась в театр и взбежала по лестнице на второй этаж. Вроде кто-то промелькнул по коридору в сторону выхода в фойе, но я толком не разглядела и не стала обращать внимания. Дверь комнатки, где располагался Михеич, была распахнута, я влетела в нее и не сразу сообразила, чем мне Михеич и его гости показались странными. Ну, сидят втроем за крохотным столиком. Стаканы коньяком наполнены, но стоят на столе. И уж больно неподвижны все трое. Михеич и кассир Алексей Иванович сидели ко мне лицом, а господин хозяйственный распорядитель – вполоборота. Я сперва обратила внимание, что на лицах Михеича и кассира застыло выражение крайнего удивления. Может, даже смешанного с обидой. И лишь потом я увидела, как расплываются у обоих красные пятна на левой стороне груди, там, где сердце. Я шагнула чуть вперед и перевела взгляд на Митрофана Евлампиевича. Во лбу того была небольшая дырка. Кровь из нее совершенно не вытекала, и ее, на первый взгляд, можно было посчитать нарисованной, если бы не ужас, искаживший его лицо. Этот ужас мигом передался от мертвого человека мне самой. Захотелось кричать, звать на помощь. Вот только никому из этих троих помощь была не нужна, это я поняла совершенно отчетливо – слишком точны были выстрелы. И шум поднимать теперь было совершенно незачем.

Я, стараясь ничего не коснуться, что было совсем уж непросто, потому как ноги не желали слушаться и подкашивались, вышла в коридор и, не задумываясь, пошла в сторону фойе. Оттуда шел праздничный веселый гомон, там было множество людей и мне было необходимо до них добраться. А уж среди людей я быстро начну соображать и решу, что же делать дальше.

К счастью, сразу за дверью я увидела знакомое лицо. Коленька Массалитинов пытался потихоньку, не привлекая внимания, пробраться за кулисы. Увидев меня, он вздрогнул:

– Что с вами? Вы так побледнели...

– Со мной все в порядке. У меня к вам просьба. Возможно, господин полицмейстер еще в театре...

– В театре, все еще выражает свои восторги Екатерине Дмитриевне.

– Так вы позовите его сюда. Только тихо. Скажите очень важно.

Массалитинов не стал более ничего спрашивать, кивнул и ушел выполнять поручение. Мне от его серьезности, от того, как он отнесся к моим словам, стало много легче. Как хорошо, что именно он мне встретился первым, а, скажем, не Елена Никольская. Она хоть далеко и не дура, но вряд ли поняла бы все вот так и сразу. И уж точно стала бы обо всем расспрашивать. А мне все еще невозможно было сказать вслух, что Михеича убили.

Полицмейстер появился на удивление быстро, видимо, сказался талант господина Массалитинова, заставил он его поверить в важность происходящего с первых слов.

– Я слушаю вас, – недовольно произнес он, обращаясь ко мне.

– Там... там трое убитых. Из револьвера. Я провожу.

Слова с трудом выдавливались из горла, но, может, благодаря этому полицмейстер и не стал ничего переспрашивать и поверил сразу, лишь побледнел чуть и стал еще строже с виду:

– Господин Массалитинов, – обратился он к Коленьке, – будьте любезны, позовите с улицы городского, а если случится, то двоих. Один пусть у входа в театр встанет и никого не выпускает. Второго сюда пришлите. Но пусть он через служебный вход пройдет...

– Через служебный сразу вверх по лестнице, второй этаж, первая дверь по левую сторону, – пояснила я в ответ на вопросительный взгляд Коленьки.

Массалитинов кивнул, но не убежал сразу, а еще раз вопросительно взглянул, но уже не на меня, на полицмейстера – не нужно ли еще чего-то сделать?

– И поставьте здесь человека, чтобы никого не пускал, пока я не распоряжусь. И еще, постарайтесь привлекать как можно меньше внимания. Не дай бог паника... Да что я говорю, вы и сами человек разумный.

Мы едва успели дойти до нужной двери – хотя надо сказать, что шагала я медленно, потому что ноги все еще едва меня слушались, – как по лестнице раздался грохот сапог, примчался запыхавшийся городской. Полицейстер махнул ему рукой, мол, постой здесь, братец, а затем и приложил палец к губам. Городовой так же молча кивнул и стал от двери сбоку. Правда, постарался заглянуть в комнату и тут же стал осенять себя крестным знамением.

Полицейстер замер на пороге, оглядел помещение цепким, холодным взглядом и повернулся ко мне:

– Заходили?

– Да. На два шага. Но ничего не трогала.

– Весьма похвально. Не страшно еще раз посмотреть?

Страшно, конечно, но не для потехи же просят, для дела. Потому я кивнула и заглянула в комнату.

– Все как было и все на своих местах.

– Да уж, бегать тут нынче некому. Прости, дочка. Закостенел уж душой на службе, вот и шучу невпопад. Хотя если не шутить, то и свихнуться от таких картин можно. Ладно, говори кто здесь кто.

Я начала говорить. Про господина хозяйственного распорядителя получилось почти легко. Наверное, потому что общалась я с ним мало, да и не любила его, честно сказать. Когда указывала на кассира Алексея Ивановича, к горлу подкатил комок. А про Михеича едва сумела досказать, как хлынули слезы. Наверное, это неправильно. То, что я смерть каждого воспринимаю так по-разному. Перед смертью же все равны? Но Михеич мне был как родной, потому и жалко его было много сильнее, чем других.

– Все слышал? – спросил полицмейстер городского. – Позови сюда еще кого из наших, а сам садись на извозчика и гони в управу за следователем.

Городовой вскинул руку к шапке и бегом кинулся вниз. И почти тут же снизу раздался грохот еще одной пары сапог, видимо, прибыл еще один полицейский. Шаги и в ту, и в другую сторону на мгновение замерли, послышались приглушенные голоса, а потом вновь загремели кованые подошвы, и объявился новый городской. Козырнул начальству и молча, без вопросов, встал у двери.

– Ладно, дочка, – ласково сказал мне полицмейстер. – Пойдем куда в сторонку, я тебя расспрошу обо всем в подробностях да отпущу домой.

Он повернулся к городовому:

– А ты, братец, посторожи здесь до прибытия следователя. И никому ни слова. Нет, ты лучше говори, что, мол, случилось незначительное происшествие, что сам ничего не знаешь и не ведаешь. Только велено не пускать никого.

Он аккуратно, держась одним указательным пальцем за верхнюю часть створки, прикрыв дверь.

– А вы разве не будете осматривать? – удивилась я, хоть слезы и заливали лицо.

– Что?

– Ну, место преступления.

– Не по чину мне это, – хитро улыбнулся господин полицмейстер. – А вправду сказать, у следователя это ловчее выйдет. Я же только натоптать могу. Ну и где здесь найти тихий уголок для разговора?

– Да прямо здесь, – указала я на ближайшую дверь. – Господин хозяйственный распорядитель называет это помещение своим кабинетом, а так это точно такая же каморка. Думаю, двери он запирать не стал, раз сам сидит рядом. То есть сидел...

Я сбилась, потому как было совсем непонятно, что сказать о человеке, который вот только что сидел здесь, в комнатухе Михеича, а сейчас... сейчас он тоже там сидит, но его все равно нет...

Господин полицмейстер не стал ничего говорить, видимо, все понял. Он протянул руку к указанной мной двери и открыл ее.

Справедливости ради можно сказать, что комната эта и впрямь была кабинетом, потому как в отличие от комнатухи Михеича ее большую часть занимал внушительный конторский письменный стол с двумя тумбами. Стол этот был, по сути, пуст: лишь деревянный стаканчик с одиноким карандашом да мраморная подставка под чернильницу. Без чернильницы, которой никогда и не было. Господин полицмейстер не стал усаживаться за стол, а вытащил стоявший за ним стул на середину комнаты, мне же кивнул на точно такой же, но и так уже стоявший по эту сторону стола.

– Ну что ж, давай рассказывай. Догадываюсь, что делать тебе это тяжело, у самого волосы бы дыбом встали от такого зрелища, войди я туда случайно, хоть, казалось бы, и должен был давно уже привыкнуть. Ну да ладно. Мне про тебя говорили, что человек ты весьма рассудительный и все примечающий. Видишь, по какому делу это пригодилось?

Я кивнула и начала рассказывать с того момента как закончился спектакль, а я пришла за кулисы. Полицмейстер слушал внимательно, а если что и переспрашивал, то не перебивал, а как бы подсказывал. Поэтому получилось у меня довольно складно. Только про мелькнувшую тень пришлось повторить.

– Не видно было, потому и не разглядела ничего. Даже сказать, мужчина это был или женщина, невозможно. Дверь как раз закрывалась.

– Ну, хорошо. Разберемся мы с этим. А теперь скажи, с чего ты решила, что убийство было совершено из револьвера? Мне и самому так кажется, но девицам в таких вопросах разбираться не особо положено.

– Ну, то что всех застрелили – это ясно. А про револьвер... Не мог же преступник притащить с собой ружье или винтовку? Значит, был пистолет. Выстрелы прозвучали вот так. – Я трижды стукнула по столешнице, стараясь точно повторить услышанные с улицы хлопки. Первый хлопок, небольшая пауза, затем два хлопка почти подряд. – Получается, что пистолет был автоматическим и его не надо было перезаряжать. И потом я слышала, как из револьверов стреляют. У меня папенька офицером был и однажды показывал.

Я не стала рассказывать, что папенька не просто мне показывал, как стреляют, но учил стрелять. К делу это отношения не имело. Да и вспоминать про отца сейчас было не к месту и не ко времени, и так тяжело.

Господин полицмейстер покачал головой. Не то чтобы неодобрительно, скорее удивляясь. Но тем не менее обратился ко мне вновь на «вы».

– Странное, однако, у вас, сударыня, воспитание. Впрочем, ничего предосудительного в том, конечно, нет. Вон как гладко и умно рассказываете, а это важнее. И раз у вас это так

хорошо получается, то позволю попросить вас рассказать об убитых. Что вам о них известно, а главное, не случилось ли с ними каких происшествий в последнее время?

– Да я, собственно, господина кассира и господина хозяйственного распорядителя толком и не знала. Алексей Ивановича и увидела-то сегодня вечером впервые за неделю. Так что сказать мне о нем, получается, нечего. Знаю только, что выручку за билеты на сегодняшний спектакль он еще утром в банк отвез. И о том известно было всем. Потому уверена, что никакого ограбления тут быть не может. С Митрофаном Евлампиевичем виделась чаще. Вот с ним происшествие было.

И я рассказала об услышанном разговоре у дровяного сарая и о том нагоняе, который хозяйственному распорядителю учинил с утра наш антрепренер.

– Ну да за такие каверзы никто убивать не станет, – уверенно сказал господин полицеймейстер.

Дошел черед рассказывать про Михеича, и тут слезы потекли из глаз сами собой.

– Ну-ну, дочка! Таким молодцом держалась, хоть в гусарский полк записывай! И на тебе! На-ка платок, утри глаза.

Я послушно вытерла слезы пахнувшим дорогим табаком и дорогими духами платком и вернула его. Полицеймейстер внимательно на него взглянул и удивленно произнес:

– Ты смотри – никакой краски. А смотрю, дочка, на твои глазки красивые и думаю: такие длинные да черные ресницы! Тут без краски дело не обошлось. Ан нет! Вся красота своя.

Я благодарно улыбнулась, собралась с духом и начала разговор про Михеича.

– Михеич у нас шумом занимался.

Мой собеседник понимающе кивнул:

– Знаю.

– Я ему часто помогала.

– Это каким же манером?

– А вот таким, к примеру.

Я взяла со стола стаканчик, вынула из него карандаш, а стаканчиком постучала особым образом по деревянной столешнице. Получилось весьма похоже на стук лошадиных копыт. Потом постучала стаканчиком по мраморной подставке.

– А если вот так стучать, то получится, что лошадь едет по булыжной мостовой.

– Похоже! Как пить дать, похоже! – восхитился полицеймейстер.

– Это у меня похоже, – возразила я. – У Михеича получалось так, что не отличишь. А если лошадей надо не одну изобразить, а несколько, то и стучать должны хотя бы двое. И каждый двумя чашками. Или когда одновременно гром и ветер, тоже помогать надо. Гром Михеич всегда сам делал, потому что это сложнее, да и сила нужна, а я барабан крутила, ветер изображала. Михеич в своем деле мастер был, каких поискать! Только никто этого не ценил.

И опять я не сумела сдержаться и заплакала.

– А вот тут ты ошибаешься. Михеич с театральными труппами к нам не в первый раз приезжает. Лет десять тому назад, еще в старом театре, антрепризу держал господин Астахов. Отец нынешнего импресарио. Уж не знаю почему, но труппу он в тот раз собрал неудачную. Играли господа актеры из рук вон плохо. Сборы по такому случаю были ужасные. А тут поставили сочинение господина Шекспира «Буря». Михеич там так отличился, что только и разговоров было, как правдоподобно буря завывала, как гром гремел, ну и про все иное. Так господин Астахов возьми да и устрой Михеичу бенефис²³. Виданное ли делу, не приме, не

²³ **Бенефис** – представление или спектакль, сбор от которого целиком или большей частью вручался одному участнику. Обычно бенефисы предоставляли самым известным актерам труппы, но бывали бенефисы в честь музыкантов, художника.

лучшему актеру, а мастеру по шумам! И ведь полный сбор получился. Я сам тогда Григорию Михалычу портсигар серебряный подарил. А «Бурю» за сезон еще трижды играли.

Полицмейстер даже встал со стула и стал расхаживать по комнате, так увлекся рассказом. А я смотрела на него и удивлялась. Я ведь его и раньше видела: высокий, подтянутый, мундир на все пуговицы застегнут. Бакенбарды и коротко, под бобрик, стриженные волосы сединой тронуты. Да и в усах седина поблескивает, хоть не так густо. И лицом суров. Челюсть тяжелая, почти квадратная, а глаза темно-серые, но хочется сказать, стальные. Казался он мне надменным и тяжелым в общении. А поди ж ты, глаза, оказывается, по-доброму смотреть умеют, и про людей добрые слова говорить может легко.

– Ладно, дочка, не до разговоров нам сейчас, а будет такое желание, ты ко мне заглядывай. Жаль, не свел знакомство с тобой раньше. Так что без стеснений заглядывай. Я тебе и про твоего Михеича много чего рассказать смогу, и про другое разное. С внучкой познакомлю. Сейчас же не ко времени на разговоры отвлекаться.

При этих словах в дверь стукнули, и вошел еще один человек в полицейском мундире.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич, – сказал он и замер у порога.

– Здравствуй, Дмитрий Сергеевич! Хорошо, что как раз ты сегодня дежуришь. Дело непростое и скандалом может обернуться. Почитай, в присутствии здесь самого губернатора тройное убийство! Да и присутствие моей персоны, как бы мы с тобой сами к ней ни относились, перцу во все это дело добавляет. Так что ты уж со всем тщанием. Прости, лишнее сказал. Тебя как раз понукать нужды нет. Только ты сначала организуй, чтобы нашего главного свидетеля домой доставили. Да и познакомьтесь заодно, все едино вам еще общаться придется.

– А я вас знаю, – сказал следователь. – Вы внучка Афанасия Николаевича, суфлера. Меня же зовут...

– Дмитрий Сергеевич, я слышала, – не дала я ему закончить.

– Вот и славно. Завтра нам придется поговорить. А пока я вас действительно провожу.

Но провожать Дмитрию Сергеевичу меня не пришлось. За дверью дожидался Коленька Массалитинов и тут же заявил, что ни с кем другим меня не отпустит, а довезет до самого дома и даже в дом заведет. Благо нам по пути по домам возвращаться.

Вечером опять пошел снег и продолжал идти до сих пор. Все извозчики уже сменяли свои экипажи, дрожки и рыдваны²⁴ на сани. Значит, зима уже наступила окончательно. Кто-то, а извозчики в этом никогда не ошибаются. Снег плотно устилал мостовую, и сани уже успели его укатать, поэтому вместо привычной тряски по булыжникам катилось не в пример мягко. По всей Почтамтской светились электрические фонари, улица выглядела нарядно. Даже празднично.

Я немного боялась, что Коленька станет меня расспрашивать, но он тактично промолчал большую часть пути. Лишь когда мы свернули в Благовещенский переулок, тихо сказал:

– Какой славный был бы сегодня день.

И вновь замолчал. Возле дома он и впрямь собрался исполнить свое обещание и завести меня прямо в комнаты, только я воспротивилась. Нет, конечно, Коленьку Массалитинова я была бы рада видеть гостем. Да и дедушка был бы рад попить с ним чайку, побеседовать о театре, расспросить про премьеру. Но не в таких обстоятельствах. Несомненно, что и сам Коленька это прекрасно понимал. А раз нет возможности погостить, то и провожать до самой двери меня не стоит. И мы распрощались. Восемь ступенек крыльца я проскочила быстро, но на пороге замерла – все никак не могла собраться с духом, ведь надо было обо всем сказать деду. И раздевалась я долго, все еще пытаюсь оттянуть тяжелый момент.

Известны случаи, когда бенефис был посвящен кассиру.

²⁴ Экипажи, дрожки и рыдваны, а также фазтоны, кареты, коляски – конные повозки для пассажиров.

Дед, конечно, вылез из постели и сидел за столом с книгой. Правда, был обязан поперег груди пуховым платком. Он обрадовался моему приходу, попытался сказать нечто веселое и осекся. Видимо, по моему лицу догадался, что случилось нечто по-настоящему плохое. Я буквально выдохнула из себя:

– Дедушка, только что в театре застрелили Алексей Ивановича, господина Шишкина и Михеича.

Все ж таки дед у меня большой умница. Любой другой тут же запричитал бы: «Как застрелили? Кто ж на такое сподобился?» и прочую ерунду, на которую у меня заведомо не было ответов, раз об этом сразу не сказала. А дед промолчал, хоть и растерялся сильно от таких недобрых вестей, но обнял меня, усадил за стол, посидел рядышком и тихонько сходил в кухню, попросил Пелагею сделать для меня чаю. Только когда стакан оказался передо мной, я поняла, как пересохло во рту от долгих грустных разговоров, от самого происшествия. Эта сухость была, пожалуй, первым, что ощутилось как реальное, а все происшедшее перед тем показалось неправдой и вроде не со мной и случилось. Вот только было это все на самом деле. И держать в себе это было бесконечно трудно. Поэтому я стала все очень подробно рассказывать. Голос дрожал, и я сама себе удивлялась, как это я полчаса назад говорила с господином полицмейстером совершенно ровным голосом и только два раза у меня вырвались из глаз слезы.

Дедушка выслушал меня, не перебивая. Мы помолчали, и мне стало легче. Я последнее время старалась выглядеть взрослее и вести себя по-взрослому. А сейчас мне стало так уютно побыть маленькой внучкой рядом с большим и сильным дедом.

– Вот что странно... То есть странно и непонятно здесь все. Надеюсь, полиция разберется и злодея покарают. Но накануне, прощаясь уже, Михеич сказал мне, ты, мол, когда я умру, поклонись иконе Иверской божьей матери. Я-то думал – это спьяну. Чего ему в его годы да при его здоровье о смерти разговор затевать. А оно вон как обернулось. Может, и впрямь чего чувствовал?

8

Как ни странно, но уснула я, едва коснувшись головой подушки. Но спалось плохо. Все снилась та тень, что мелькнула в дверях, ведущих в театральное фойе. Порой мне казалось, что я вижу того человека, даже узнаю и пытаюсь догнать. Вот только проснувшись, никак не могла вспомнить, кто же мне во сне померещился. В конце концов, я сама на себя разозлилась: с чего вдруг мне эта тень покоя не дает? И тут-то меня осенило, что я и в самом деле видела тень! Не смутный силуэт человека, как мне казалось. Дверь эта открывалась внутрь коридора, и человек, из нее выходящий, был прикрыт уже створкой. Так что видеть его я не могла. А вот его тень на стене видела! В фойе, как раз напротив этой двери, яркая лампа, а внутри полумрак, потому тень была достаточно четкой. И тень эту отбросить мог только мужчина или на крайний случай женщина в мужском платье. Но последнее было бы совсем уж странным, никому бы из дам, присутствовавших в театре, в голову не пришло одеваться в мужское платье. Меня такое открытие отчего-то обрадовало, и я заснула почти спокойно.

Поутру мы даже не успели закончить завтрак, как в дверь постучался полицейский.

– Госпожа Кузнецова кто здесь будет? Барышня, господин судебный следователь просит вас по возможности быстро прибыть в управление полиции. Вот и сани за вами прислал. Да вы из-за стола-то не выскакивайте! Дмитрий Сергеевич сказал, что слишком уж торопить непозволительно.

– Может, тогда и вы с нами чайку выпьете? – предложил дедушка.

– С превеликим бы удовольствием, но на службе не полагается. Опять же в санях наш кучер дожидается, вот и получается, что мне без него чаи распивать неудобно, а всем управлением на чаи напрашиваться – это уже полное невежество. Я уж вас в санях дождусь.

– Поди ж ты! – восхитился дедушка, когда ранний гость вышел из дому. – Не приходилось раньше замечать, что полицейские чины деликатность проявлять умеют, да еще и шутить!

– Так тоже поди люди, – ответила ему Пелагея. – Коли человек не заслужил плохого к себе обращения, чего на него злым смотреть и грубить?

– Дед, я тебя прошу...

– Не проси. Не могу я дома сидеть в таких-то обстоятельствах!

– Да знаю я, что тебя не удержишь. Но ты одевайся тепло. Пожалуй, валенки обуи. А я пошла, – сказала я, отставляя в сторону стакан с недопитым чаем.

До управления было совсем рядом, рукой подать. Сначала по нашей улице направо, потом вдоль Обруба, тоже не сильно-то длинной улицы, до базарной площади. Как все же зима меняет город! Второго дня площадь выглядела грязной и запущенной, а сегодня, укрытая снегом, была просто красива. И сразу стало видно, что и торговые ряды, и биржа за ними очень красивы и отличаются благородством линий. А река Томь полностью покрылась льдом и смотрелась бесконечным заснеженным полем.

Мы лихо вкатились во двор и еще более лихо остановились у самого входа в городское полицейское управление.

– На второй этаж, барышня, – сказал мой провожатый и распахнул передо мной дверь.

Я кивнула и стала подниматься вслед за полицейским. Тот проводил меня до нужного кабинета, постучал и, не дожидаясь ответа, отворил двери.

– Дмитрий Сергеевич, госпожа Кузнецова...

– Заводи гостью, – тут же откликнулся хозяин кабинета. – Зачем человека за дверями держишь?

Выглядел Дмитрий Сергеевич усталым, под глазами залегли черные тени. Видимо, ночь он провел совершенно без сна. Но был гладко выбрит, а из-под воротника мундира сиял белизной и свежестью подворотничок.

– Примите мои извинения за столь бесцеремонное вторжение, – принялся он извиняться, помогая мне снять шубку, – но обстоятельства таковы, что задержки не позволяют. Давайте мы с вами на диване устроимся. Мягче будет и удобнее. Да и мне самому все эти жесткие стулья и допросы...

Он не закончил, а лишь махнул рукой.

– Чаю или кофе не желаете?

– Спасибо. Я как раз закончила завтракать, когда меня к вам позвали.

– Ну, раз вы сыты, то я не слишком буду смущать вас, если допью свой кофе.

Он взял со стола недопитую чашку размером едва ли не в полведра и сел на другой край дивана.

– Сергей Николаевич, господин полицмейстер, подробно пересказал мне все, что узнал от вас накануне. Увы, но это единственная толковая информация, которой мы в настоящий момент располагаем. Поэтому позволю попросить вас еще раз рассказать с самыми мелкими и незначительными подробностями о событиях вчерашнего дня.

Он умолк, давая мне собраться с мыслями, и выслушал мой рассказ, не произнеся ни слова.

– Большое спасибо, – поблагодарил он меня, но был притом явно разочарован.

– Дмитрий Сергеевич, – приберегла я для конца рассказа главную свою новость, – а я, пожалуй, могу достоверно сказать, кто выходил из коридора в фойе. Это был мужчина. И мы, наверное, сможем довольно точно определить его рост.

– Позвольте, но вы только что заявили, что не видели выходящего, да и не могли его видеть, поскольку появились в коридоре точно в тот момент, когда выходящий или выходящая были уже скрыты створкой двери. И что вы видели лишь тень?

– Все верно. Именно тень я и видела, а ночью отчетливо вспомнила, как та тень выглядела. Такую тень мог отбросить только человек в мужском костюме. Могу за это поручиться.

– Так, а это еще что за словесные фигуры? – тут же ухватился за мои слова следователь. – Насчет человека в мужском костюме? Почему не сразу – мужчина?

– Да вы по этому поводу не волнуйтесь, Дмитрий Сергеевич. Я совершенно уверена, что никакой женщины, переодетой в мужчину, в театре быть не могло. Это только в водевилях девицы в мужчин переодеваются, и их никто не узнает. В жизни такой маскарад сразу бы заметили, при таком-то числе народу, что вчера в театре был.

– Ну, спасибо, успокоили. Мне и вправду никто ни о чем подобном не сообщил. Хорошо! Мужская и женская тень, простите, тени человека в мужском платье и в женском должны и в самом деле значительно разниться. И даже вскользь брошенным взглядом это можно заметить. В этом я с вами согласен, а что вашим показаниям можно доверять безоговорочно, мы уже успели убедиться. Но вот каким образом вы собираетесь определить рост?

– Весьма простым способом. Я хорошо запомнила, где была тень от головы. Ну, то место на стене... Если поставить в проем двери другого человека и сравнить, насколько тень от его головы будет выше или ниже того места, то можно либо навскидку сравнить их рост, либо измерить угол падения света и высчитать рост человека с точностью до десятой доли вершка²⁵. Пока могу сказать, что человек тот был высоким. И весьма высоким. А это, какая ни на есть, а уже примета!

– Это лишь при условии, что вы видели тень преступника. Хотя в логике вам не откажешь, мисс Шерлок Холмс! Даже допуская, что убийца скрылся в другом месте, а в фойе

²⁵ Вершок – русская мера длины, примерно 4,5 см.

выходил совершенно невиноватый человек, то он должен был видеть преступника. Или хотя бы слышать выстрелы. Но никто из допрошенных, а мы допросили большую часть присутствовавших в театре на момент совершения преступления, ничего не видел и ничего не слышал.

— Получается, что один из этих людей лжет. И именно этот человек является преступником.

— Я тоже прихожу к мнению, что преступник не успел покинуть театр до того момента, как были перекрыты выходы. Но легче от того не становится. Получается, что все друг друга видели, и никто не отлучался за кулисы. Сейчас мой помощник еще раз проверяет это, но боюсь, что алиби есть у всех. А значит, и под подозрением все. И даже если отбросить самых достойных людей, хотя формально такое исключение делать не полагается даже для губернатора, то все равно под подозрением несколько десятков человек. Так что если удастся подтвердить ваше сообщение, а тем более вычислить рост... Это даст нам хоть какие-то крохотные шансы.

— А почему вы сказали про несколько десятков человек? В театре же был аншлаг? А это почти тысяча человек.

— Ну, галерею и балкон мы сразу исключили. Для тех, кто смотрел спектакль с галереи и с балкона, устроен отдельный гардероб, все пальто там разобрали еще до того, как начался фуршет. Про большинство из тех, кто занимал места в ложах, партере или бельэтаже, тоже достоверно известно, что они ушли раньше. Господин Кухтерин сделал приглашение определенному кругу лиц. Некоторые отказались, другие приняли приглашение. К примеру, Евграф Иванович сослался на недомогание и велел господину Кухтерину от своего имени передать труппе свои восторги по поводу спектакля, а сыновья его с женами остались. Помимо приглашенных образовалась еще немалая компания из молодежи, каковая, можно сказать, напросилась поучаствовать. Господин Кухтерин не стал препятствовать, более того, пригласил всех к столам, потому как заказ всегда делает с размахом и запасом. Весьма маловероятно, что кто-то сумел спрятаться в театре. В зале работали уборщики. Истопники были на своих местах. Швейцары и те же гардеробщики тоже. Все были на виду друг у друга. И господа актеры уверяют, что в их уборных никого не оставалось. Да вы и сами это подтверждаете. Потому и получается, что искать следует среди тех, кто присутствовал на фуршете. Но от этого вывода, повторюсь, легче не становится.

Дмитрий Сергеевич умолк, отошел к окну, потер воспаленные глаза.

— Эка красотища за окном! Ну что, Дарья Владимировна, прокатимся в театр? Я все равно собирался провести следственный эксперимент и проверить по хронометру, сколько времени вы пробыли на крыльце и насколько быстро после выстрелов вернулись обратно. Заодно и с теньями вашими разберемся. Едем?

— Ну конечно едем!

9

– Хорошо на свежем воздухе, в сон не клонит, – сказал мне Дмитрий Сергеевич, когда сани выехали на базарную площадь и покатали к Новому мосту через речку Ушайку. – Как московской гостье нравится наша сибирская зима?

– Очень нравится, – отозвалась я, кутаясь в полог. – Боюсь, по правде сказать, настоящих сибирских морозов.

– Напрасно боитесь. Морозы и впрямь бывают такие, что птицы на лету замерзают. Только это редкость. Да и человеку в городе они не страшны. Если сыт и тепло одет, то мороз бодрит да щеки румянит. У нас нередко говорят, что сибиряк это не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одет. Да нам с вами и вовсе морозов бояться не с чего. Добежал до места и опять в тепле. Вот тем, кто на улице работает, бывает несладко. Городовым или тем же извозчикам. Но и они не особо жалуются, привыкли. Ну что, перестали бояться?

– Перестала, – наконец-то впервые со вчерашнего вечера я смогла улыбнуться.

– Вот и славно. Как Афанасий Николаевич себя чувствует?

– Да в целом неплохо. Ему бы еще денек полежать – болезнь бы совсем отстала. Но ведь он в театр собрался. Будто без него с похоронами не решат ничего. А вы откуда моего дедушку знаете?

– Григорий Михайлович нас познакомил. Вы уж не удивляйтесь, но я не раз с ними беседы вел. О литературе, о театре, о живописи.

– Только вот трактир Портнова не самое лучшее место для бесед об искусстве, – не удержалась я от замечания.

– Так. А это-то вам откуда известно? Вряд ли Афанасий Николаевич про то рассказывал?

– Ну, дед с Михеичем могли бы заведение и попроще выбрать. Вам же по чину вашему больше «Славянский базар» или другой ресторан подходит. Но для них это как раз дорого. Получается, что место для посиделок вам надо было выбирать, с одной стороны, приличное, с другой – не слишком дорогое. Много ли таких мест?

– Вы правы, немного. Но вы меня опять удивили.

– Опять же от дедушки после посиделок нередко анисовой водкой пахло. А она, по разговорам, наилучшая во всем городе именно у Портнова. Дед плохую водку пить бы не стал.

– А не хотите ли к нам на службу определиться? – он посмотрел на меня, пряча в глазах улыбку, но я лишь пожала в ответ плечами. – Жаль! А еще больше жаль Михеича. Лучших собеседников, чем Михеич и ваш дедушка, я пожалуй что и не встречал. Вот только бывало, как заспорят о сочинениях Шекспира! Страсти разгораются не меньшие, чем в самих сочинениях, о которых спор заходит!

За разговором мы добрались до места совершенно незаметно.

Сегодня в труппе намечался выходной день, но почти все были в театре. В результате на Дмитрия Сергеевича обрушился град вопросов, и ему пришлось приказным порядком потребовать, чтобы все покинули театр. На это последовали возражения, что многих вызвали в театр для дачи свидетельских показаний, и никто потому уходить не собирается. Следователь припомнил, что такое распоряжение дал сам же, так как в управлении столько народу не поместилось бы. Пришлось всех ожидающих допроса отправить в зрительный зал, но большинство переместилось в буфетную. Раз уж буфетчики тоже были вызваны, то посчитали нужным откликнуться на просьбы актеров и открыли буфет. За кулисами снова стало пусто. Почти как вчера. Только осталась я не с господином Вяткиным, а с Дмитрием Сергеичем и двумя его помощниками.

– Ну-с, дамы и господа! Мы с вами поступим следующим образом. Я встану здесь, у самой двери, и буду засекают по хронометру временные отрезки. Вы, Даша, с моим помощником, Андреем Ивановичем, спуститесь вниз и постоите на крыльце по возможности ровно столько же, как и вчера. Когда подойдет время услышать выстрелы, попросите Андрея Ивановича крикнуть нам. Потом подниметесь сюда так же быстро, как вчера. Второй мой помощник будет находиться в комнате, где случилось происшествие. Он изобразит выстрелы и постарается побыстрее скрыться в фойе. Вопросы?

– Дмитрий Сергеевич, как мне выстрелы изображать? Кричать «бах-бах»? – спросил его помощник, который должен был оставаться наверху.

Все рассмеялись.

– Не вижу ничего смешного, – обиделся помощник следователя.

– Прости, Михаил, – успокоил его Дмитрий Сергеевич. – В вопросе и впрямь ничего смешного нет, смешно, как ты его задал. А так правильный вопрос, на крыльце должны наши «выстрелы» услышать. А твое «бабах» вряд ли будет слышно.

– Можно в комнату войти? – спросила я. И, получив утвердительный ответ, распахнула дверь. – Идите сюда. Вот, будьте любезны взять эту доску и положить ее на стол. – Спасибо. Теперь, если взять эту планку и вот так резко плашмя опустить ее на доску...

Я хлопнула планкой по доске, и прозвучал «выстрел». Михаил даже вздрогнул.

– Этой планкой Михеич делал за сценой ружейные выстрелы. Для револьверных нужна другая. Если есть необходимость, могу принести.

– Думаю, это не важно, – ответил следователь. – Михаил, попробуй повторить.

У его помощника в целом получилось совсем неплохо. Увлечшись, он попробовал «выстрелить» еще пару раз, из-за чего прибежал переполошившийся городской, дежуривший у служебного входа. Услышав объяснения, он успокоился и собрался вернуться на свой пост, но почти сразу вновь заглянул в комнатку Михеича:

– Ваше высокоблагородие! Тут не один я переполошился. Господа артисты вон тоже засуетились.

– Э-э-э... прогони их. Да постой у входа, чтобы не лезли к нам, – потребовал Дмитрий Сергеевич. – А мы давайте-ка приступим к делу. Нам еще надо многое сделать. Начинайте, Дарья Владимировна.

Я кивнула и вышла в коридор.

– Вот здесь мы распрощались с господином Вяткиным и он убежал. Я чуть задержалась, чтобы застегнуть шубку, и тоже пошла вниз.

Мы с помощником спустились по лестнице и вышли на крыльцо.

– Я как спустилась, увидела вон там за углом, что господин журналист садится на извозчика, и подумала, что правильнее будет тоже ехать на извозчике, а значит, надо идти туда же, а не в обратную сторону. И тут раздались хлопки.

– Миша, – закричал Андрей Иванович, и почти сразу сверху послышались «выстрелы». Один, второй, третий.

– Тут я подумала, что в комнатке у Михеича шампанское открыли, и чуть поразмышляла об этом.

Все это я говорила не столько Андрею Ивановичу, сколько самой себе. Чтобы лучше все вспомнить и как можно точнее повторить.

– А потом вспомнила про конфеты и решила вернуться.

Я сама отворила тяжелую входную дверь и стала подниматься, перешагивая через ступеньку, как это делала вчера. Поднявшись на второй этаж, мы увидели лишь Дмитрия Сергеевича с часами в руке. Михаила уже не было видно. Успел скрыться за дверью, а сейчас уже возвращался обратно.

– Не успели, сударыня. Хотя и не успели совсем чуть-чуть. Думаю, что преступник должен был уйти сразу после последнего выстрела и если не бежать, то двигаться весьма быстрым шагом. Что и проделал мой помощник. Может, вы чуть дольше задержались?

– Нет, все было точно, как вчера. Но есть одна неправильность. После первого выстрела была пауза. Длинная. Секунды две, а то и больше.

По просьбе следователя я несколько раз отбила ту частоту, с которой вчера звучали выстрелы.

– Повторить! – скомандовал Дмитрий Сергеевич.

В этот раз я появилась на этаже ровно в тот момент, когда закрывалась дверь, и даже успела увидеть тень, которую отбрасывал помощник следователя. Все получилось точно как накануне, разве что тень была при дневном свете совершенно бледной и откидывалась иначе, потому что горевшая вчера вечером лампа не была включена, и фойе сейчас освещалось только светом из окон. Но мы все равно повторили все еще дважды. Наконец, Дмитрий Сергеевич удовлетворенно кивнул:

– Достаточно. По вам, сударыня, часы проверять можно и даже секундомер. Четырежды вы возвращались за одно и то же время с точностью до половины секунды. Да и наш Михаил, кроме первого раза, показывал одно и то же время.

– Вы для этих бегов выбрали именно Михаила, потому что он высокий? – спросила я.

– Совершенно справедливо. Если вы правы и преступник был высок, то и в эксперименте должен участвовать высокий человек. Не примите за обиду, Андрей Иванович, но, к примеру, при вашем росте шаг будет короче, и результат мог получиться иным. Давайте теперь тень отца Гамлета замерять. Хотя батюшка датского принца тут и ни при чем. Михаил, будь любезен, распорядись, чтобы в фойе электричество включили.

Михаил ушел исполнять поручение, а мы подошли к дверям, ведущим в фойе театра.

– Дмитрий Сергеевич, посмотрите: стена по большей части окрашена чуть светлее и тень на ней была видна отчетливо. А бордюр по верху чуть темнее. Так вот тень от головы почти касалась бордюра, но все равно оставалась ниже. Мне туда не дотянуться, но если вы протянете руку, то я смогу точно указать самое высокое место.

Дмитрий Сергеевич не просто обозначил рукой указанное мной место, но и пометил его карандашом. Как раз вернулся более высокий из его помощников, а в фойе загорелось электрическое освещение. Когда Михаил входил из фойе к нам в коридор, его тень, ставшая более резкой при свете лампы, скользнула по стене, едва не дойдя до карандашной отметки. Но мы все равно проверили это несколько раз. Получилось, что в это место тень падала лишь в тот момент, когда человек стоял сразу за дверным проемом. Дмитрий Сергеевич сделал на стене вторую отметину, в том месте, куда достигала тень его помощника. Разница получилась всего в палец толщиной.

– Поскольку лампа расположена на стене и находится, по сути, на высоте человеческого роста, то нет особой надобности заниматься геометрическими построениями и вычислениями углов и всяких тангенсов. Будем считать, что человек, вышедший из двери, был примерно на полдюйма²⁶ выше Михаила. Учитывая тот факт, что каблуки у обуви вполне могут разниться в тех же пределах, то большей точности нам все равно не достичь. Итак, господа, все это еще ничего не значит. У нас нет ни малейших доказательств, что вышедший отсюда человек является преступником. Но я все же предлагаю всем нам обратить первостепенное внимание на тех из нашего обширного списка подозреваемых, кто имеет высокий рост, и особо на тех из них, чей рост соответствует полученным нами данным. А это что такое?

²⁶ Дюйм – мера длины, введена в России Петром I, равна приблизительно 2,5 см. То есть дюйм – это чуть больше половины вершка. Следовательно, вышедший из двери выше Михаила всего на сантиметр или полтора.

Последние слова относились к появившемуся здесь буфетчику с подносом, уставленным стаканами с чаем и тарелками с бутербродами.

– Здравствуйте, – поприветствовал он нас. – Дашенька, Петруша узнал, что вы здесь сыскными делами заняты, и велел вас чаем напоить. Ну и гостей ваших, как же без этого?

От таких слов следователь с помощниками пришли в некоторое изумление и не знали, что сказать.

– Спасибо, Антоша. Ты поставь чай в кабинет Шишкина. Мы сейчас с удовольствием чаю выпьем. Вот только дела закончим.

– Да мы, собственно, закончили, – обрел дар речи Дмитрий Сергеевич. – Так что стакан горячего чая очень кстати придется. Вы, уважаемый, примите нашу благодарность и поблагодарите того, кто о нас заботу проявил.

Буфетчик поклонился и убежал, а мы сели в комнатке, где вчера еще обитал господин хозяйственный распорядитель, и принялись пить чай.

– Нет, каково? – обратился к своим помощникам Дмитрий Сергеевич. – Андрей Иванович! Михаил Аполинарьевич! Каково, я вас спрашиваю? Вот так вдруг узнать, что сие прелестное создание, по мнению обитателей театра, занято сыскными делами, а мы у нее в гостях?

– А вполне справедливо, – задумчиво произнес Михаил Аполинарьевич, которого, скорее всего из-за столь длинного отчества, а не по причине молодого возраста, обычно звали лишь по имени, и отхлебнул чая. – Мы с вами всю ночь бились, огромное число народа опросили, место преступления через увеличительное стекло изучили. И что с того? Да ничего. А Дашенька – вы позволите вас так называть? – хоть крохотную, но зацепку дала. Даст бог, теперь дело сдвинется.

– По-честному, так и я того же мнения, – уже серьезным тоном сказал господин судебный следователь.

– Дмитрий Сергеевич, а орудие преступления не обнаружили? – спросила я, хотя и так уже догадалась, что револьвер не найден.

– Оружие не обнаружено. Мы, само собой, не могли вчера обыскать всех присутствовавших, но полагали, что револьвер утаить при себе не столь просто. Театр же обыскали самым тщательным образом. Но ночью извлекли пули и выяснилось, что речь идет не об армейском оружии, а о совсем небольшом револьвере.

– Вроде дамского «Смит и Вессон» тридцать восьмого калибра? – уточнила я.

Следователь всплеснул руками, посмотрел на своих товарищей, но скоро успокоился:

– Чему я удивляюсь? С вами нужно совершенно отучиться удивляться. Вы правы, калибр именно тридцать восьмой, и патроны с такими пулями предназначены для револьверов этой системы. И если это так, то мы имеем дело с автоматическим оружием, которое легко умещается в кармане.

– Или дамской сумочке, – вновь вылезла я со своими замечаниями.

Но, похоже, о том полицейские успели подумать и сами, потому как все трое согласно кивнули мне.

– Уверен, сударыня, что нет необходимости говорить вам о том, что все эти сведения должны оставаться в тайне? – спросил Дмитрий Сергеевич, и настала моя очередь кивать в знак согласия. – Мы с вами на эти темы беседуем исключительно по причине уверенности, что вы тем или иным путем сами обо всем дознаетесь или догадаетесь.

Я еще раз кивнула.

– Можно еще про дактилоскопию спросить? – поинтересовалась я, чувствуя что встреча наша подходит к завершению.

– А вот дактилоскопию мы не проводили, – ответил Дмитрий Сергеевич. – Сказать причину или сами ее изложите?

– Ну... преступник пробыл в помещении самое короткое время и, судя по всему, ничего не трогал. Дверь была открыта и когда я уходила, и когда вернулась. Следовательно, отпечатки пальцев преступника искать нет смысла. Что же касается двери в фойе, то за ее дверную ручку после преступника брались несколько человек. Первой, к стыду, была я сама. Так?

– Ну слава богу, хоть что-то вы не угадали, – засмеялся следователь. – Доводы вы привели основательные, но отпечатки пальцев мы не снимали по той простой причине, что дело это все же новое и специалист, данной работой занимающийся, уехал в Енисейск. В Енисейске ограбили банк, взяли весьма и весьма крупную сумму. И там работа дактилоскописта оказалась успешной. Пальчики уже имелись в нашей картотеке, личность преступника была определена, и задержать его было делом техники. К слову сказать, в Петербург, в Департамент полиции, прошлым летом приезжала делегация из самого Скотланд-Ярда. Говорят, что удивлялись, как это они от нас в таком важном деле, как дактилоскопия, отстали и спешили опыт перенять. То-то они удивились бы, узнав, что у нас в Сибири, которая, по их мнению, даже не самый край света, а много дальше, успешно применяют столь современные методики.

10

Следователь с помощниками уехали, а я отправилась посмотреть, что творится в театре. Театр бурлил. Но бурлил вполголоса и совершенно безрадостно. Труппу допрашивали по очереди еще один судебный следователь со своим помощником. Видимо, делу придавалось самое серьезное значение, раз привлекли столько сил! Большинство отпущенных после допроса, а из числа труппы так и вовсе никто не расходился, оставались в театре и обсуждали происшествие. В основном строились догадки: кто, как да почему? Но толковых мыслей не высказывалось. При моем появлении все кинулись ко мне, полагая, что я могу знать больше. Вот только сказать я могла лишь то, что и так было уже известно. Но от меня все равно не отставали с расспросами, что было несколько бестактно, потому как судачить о гибели людей мне было тяжело.

Спасли меня дедушка и господин Корсаков. Они вернулись от хозяина театра господина Королева, к которому ездили сообщить, что из-за траура труппа на этой неделе представление давать не будет. Евграф Иванович отнесся со всем пониманием и даже сделал большее. Во-первых, он велел сумму аренды, причитающуюся за пользование театральным зданием в этом месяце, ему не передавать, а использовать на похороны. Потому как все, кто служил при театре, были для него не чужими. Во-вторых, сообщил, что намерен объявить серьезный приз за поимку преступника и сегодня же даст соответствующие распоряжения.

Получалось, что к вопросам следствия все должны отнестись с пониманием еще и потому, что часть приза достанется любому сообщившему любую важную деталь, способствующую поимке преступника. Это не слишком вдохновило – каждый и так старался рассказать буквально все. Но отношение господина Королева к общей беде все оценили высоко.

Кое-кто даже отказался забирать деньги, уже собранные на похороны по подписному листу. Оставшиеся их поддержали. Пусть на фоне денег, пожертвованных хозяином театра, это были жалкие крохи, но каждый считал своим долгом поучаствовать в этом деле.

– Господа! – перебил вновь поднявшийся шум господин антрепренер. – Я полностью разделяю ваше желание. Тех денег, которые у нас сейчас образовались, хватит и на хорошие похороны для наших товарищей, и на то, чтобы оказать помощь родственникам погибших. Другое дело, что господин Шишкин был совершенно одиноким человеком. Но у Алексея Ивановича здесь в городе семья осталась. И у Михеича, то есть у Григория Михайловича, дочь в Ярославле живет. Точно знаю, что он ей время от времени деньги переводил через почту. Я предлагаю прямо сейчас создать комиссию по организации похорон, которая и решит все эти и прочие возникающие вопросы. Если никто не возражает, то пусть комиссию возглавит Афанасий Николаевич, который ближе других был знаком с погибшими. Я сам готов в нее войти. Так что, кто готов помочь в этом печальном деле, записывайтесь.

Готовы были все, но Александр Александрович быстро пресек поднявшуюся суету и сам отобрал в комиссию еще двух человек: Екатерину Дмитриевну и артиста Тихомирова. Иван Иванович Тихомиров был по артистическому амплуа комиком, но при этом человеком рассудительным и деловым. Впрочем, как раз комики этими качествами отличались чаще иных артистов.

– А что, господа, не подскажет ли кто, где найти в этом городе приличного гробовщика? – спросил Александр Александрович, закончив с составом комиссии. – Ранее нас бог миловал, и нужды знать такое не было.

– Да чего ж его искать? – отозвался швейцар Михалыч. – Они уж сами прибыли. Двое сразу. В буфетной ожидают.

– Так мы пойдем в мою гримуборную, а ты окажи любезность и проводи их к нам.

Следующие два дня прошли суматошно, но невесело. Отпевали погибших в Благовещенском соборе, в двух шагах от нашей с дедушкой квартиры. Храм был красив и богат, иконы мерцали в свете лампад и свечей серебром и даже золотом окладов. Лучились прозрачной чистотой лики святых, глядевшие, казалось, прямо в закрытые глаза покойных. По такому поводу в соборе собрали лучших певчих, и церемония получилась торжественной и печальной до слез. Но я до конца не утерпела, столь грустно стало на душе. Шепнула деду, что на кладбище не поеду и на поминки не пойду. Он с пониманием погладил меня по плечу и говорить ничего не стал. Я еще постояла у ворот собора, провожая взглядом удаляющуюся процессию, и побрела домой.

В комнате было одиноко. Я села с раскрытой книгой, да так и просидела, не прочтя ни строки до самого возвращения дедушки. Тот вернулся усталым и трезвым, похоже, что без Михеича, с которым он так сдружился, ему и вино пить было в тягость.

11

На следующее утро я проснулась рано и никак не могла придумать, чем себя занять. Как жалко, что нет репетиций! Может, в привычной артистической кутерьме за кулисами было бы не столь тоскливо. Невольно мысли переключились на свершившееся в театре преступление. В который раз я принялась вспоминать все, что произошло, все, что случилось до этого, с самого дня нашего приезда. Ничего в голову не приходило. Не могли убитые дать повод преступнику для убийства. Даже господин Шишкин, знакомства которого мне не нравились, вряд ли мог совершить нечто такое, за что убивают. Потом я стала перебирать в уме лица тех, кого видела в театре в тот вечер. Труппу и службу я знала неплохо. Труппу так, можно сказать, очень даже хорошо знала. И большую часть гостей, приглашенных купцом на фуршет, тоже хоть как-то, но знала. Были это люди известные, по большей части весьма богатые, так что подозревать их было, по меньшей мере, глупо. Оставались совсем уж неизвестными лишь молодые люди, которые, по словам Дмитрия Сергеича, «напросились присутствовать», да официанты, приглашенные гостей обслуживать.

Чужая душа – потемки, это отрицать невозможно. Но даже с такой поправкой я не могла представить, что кто-то из людей, служивших при театре, был способен на такое злодейство. Ни те из них, кто был высок, ни все прочие. То же смело можно было сказать и об официально приглашенных.

Получалось, что опять-таки остаются официанты и компания молодежи. Вот бы получить от господина следователя весь список да самой посмотреть на каждого! Хотя список мне никто не даст, но его можно попробовать и вычислить. Расспросить того же Петрушу, может, он кого знает. Даже, наверное, знает многих! Возможно, и молодые актеры могли водить с кем-то из той компании знакомство. С другой стороны, полиция лучше моего со всем этим разберется. Тем более что искать надо не рассматривая подозреваемого, а изучая его прошлое. Потому как помимо роста была, пожалуй, еще одна зацепка. Поразмыслив, я уже давно пришла к выводу, что стрелявший был человеком более чем опытным в стрельбе. Уж очень точны были попадания и очень быстро прозвучали вслед друг другу два последних выстрела. Так что стрелявший либо служил (а может, и по сей день служит!) в армии или полиции, либо... Всяких либо получалось довольно много, но от раздумий по этому поводу меня отвлек почтальон. Пришел ответ на мое письмо о возможности сдачи экстерном экзаменов за шестой класс гимназии. Ответ был положительный, и даже дата и место были указаны. Местом почему-то была определена не женская гимназия, а Первая мужская. Что, впрочем, ровным счетом ничего не значило. Мне все едино, где экзаменоваться, хоть в казармах пехотного полка. Те, пожалуй, что и ближе будут. Другое дело дата. До нее оставалось всего-то две недели. Нет, я могла бы сдать экзамены хоть сегодня, но все же хотелось еще раз посмотреть все, что было изучено, сверить с присланной программой и просто настроиться.

Тут же выяснилось, что необходимо купить новую тетрадь, да и писчая бумага заканчивалась. Я обрадовалось всем этим свалившимся заботам, необходимости посетить книжный магазин и просто пройти по заснеженным улицам. Опять же в книгах порыться можно будет, вдруг поступили в магазин какие новинки? Тогда и дома сидеть станет не столь тоскливо.

Я быстро собралась и вышла на улицу. Снег теперь падал каждый день, и сугробы уже получились внушительные. И на крышах домов снегу собралось изрядно, отчего они стали только наряднее. Большинство домов было украшено деревянной резьбой по наличникам и вдоль крыш, теперь к деревянным кружевам добавлялись узоры из заснеженных веток деревьев. Доски деревянных тротуаров, также укрытых снежной коркой, теперь не стучали под

каблуками, а лишь изредка поскрипывали. Тихо, красиво. Меня обогнали сани, запряженные тройкой, проезжая мимо, ямщик оглушительно свистнул и, весьма довольный моим испугом, долго махал рукой. Но тройка свернула на улицу, ведущую вверх по склону Воскресенской горы, и исчезла из виду. Вскоре растаял и звон бубенцов. Вновь стало тихо и пустынно, но чувствовалось, что совсем рядом продолжается жизнь – вились дымки из труб, в домах топили печи, варили обед. Ветер порой заставлял дым прижиматься к земле и вместе с его запахом доносил запахи щей, чего-то вкусного, пекущегося прямо в печи.

Книжный магазин Макушина располагался на углу Преображенского переулка и Дворянской улицы, как раз напротив собора, где вчера были похороны, то есть совсем недалеко от дома, и дошла я до него в пять минут.

Двухэтажное, красного кирпича здание было построено специально под магазин, который занимал почти весь нижний этаж, и оттого магазин был просторен и удобен. В большинстве отделов дозволялось подходить прямо к полкам и просматривать книги. При большом желании можно было даже сесть в кресло и рассмотреть книгу подробнее. Даже чаю можно было попросить. Книг здесь в продаже было десятки тысяч! У нас и в Москве таких магазинов раз-два и обчелся. Так что здесь можно было с интересом пробыть не один час, что я, похоже, и сделала, посмотрев и полистав с десятков книг, а с полки снимала и того больше. Наконец, я выбрала брошюрку с новыми рассказами Романа Доброго про сыщика Путилина, чуть подумала и добавила к ней такую же тонкую книжицу про Ната Пинкертона, и перешла в канцелярский отдел.

– Здравствуйте, – тут же откликнулся продавец, – чем могу быть полезен?

– Здравствуйте, – ответила я. – Мне нужна тетрадь для записей. Не слишком толстая.

Продавец тут же выложил передо мной образцы, и я стала их рассматривать.

– Рекомендую вот эти, – постучал пальцем по одной из тетрадей продавец. – У нас к ним поступили отличные обложки. Извольте взглянуть? Вот полюбуйтесь, настоящая кожа, такой сносу не будет. Прямо к обложке пришит тонкий ремешок, используемый как закладка. Есть специальный кармашек для карандаша, устроенный таким образом, что, когда тетрадь закрыта, он совершенно не мешает.

Я решила приобрести сразу пару тетрадей и предложенную обложку.

– Карандаши, ручки, перья не интересуют? Очень качественный товар. Есть еще новинка – специальная машинка для чинки карандашей. Смотрите, вставляем карандаш и несколько раз прокручиваем. Готово! Карандаш зачищен, острие править не надо, а вся стружка вот в этой коробочке.

Я поблагодарила и отказалась, потому как у меня уже имелась почти такая же точилка для карандашей. Продавец назвал сумму моей покупки, и я принялась отсчитывать деньги.

– Вы сегодня грустны, не иначе после вчерашних похорон? – немного неожиданно спросил продавец. – Не удивляйтесь, город наш не столь уж и велик, а о таком страшном событии судачат на каждом углу. Вас же я давно заприметил, вы же нас часто навещаете. Могу спросить, что в этот раз прикупили для чтения?

Я показала книжки, которые он рассмотрел с искренним интересом:

– И вкусы у вас разнообразные, в прошлый раз Пушкина покупали, сегодня – криминальные рассказы. Я вот тоже читаю почти все подряд. О, вот еще один любитель криминальных историй.

Я обернулась. За моей спиной переминался с ноги на ногу Петя, сын нашего градоначальника, с которым мы познакомились три дня назад. Он, похоже, стеснялся прерывать наш разговор, оттого и стоял позади безмолвно. Продавец тактично отошел в сторону и сделал вид, что занят раскладыванием товара на прилавке.

– Здравствуйте, – наконец заговорил Петя. – Я... Примите мои соболезнования. Мне говорили, что вы были дружны с одним из погибших.

Он неловко помолчал, а потом вдруг сказал искренне и вовсе не так неуклюже, как прежде:

– У меня маменька два года назад померла. Так что я понимаю и сочувствую.

– Спасибо вам, – сказала я, и слезы в который уж раз за эти дни подступили к глазам.

Петя от этого растерялся и вновь стал неуклюже переминаясь. Я от такой картины даже улыбнулась. И он в ответ улыбнулся.

– А можно мне о своей просьбе напомнить? Может, вы все же покажете мне театр? Я не из праздного любопытства, мне в самом деле интересно. Ну, все что за кулисами происходит, что и как делается.

– Хорошо, – легко согласилась я. – Но не сегодня.

– Да я сегодня и сам не могу, – обрадовался мальчишка. – Может, завтра?

– Давайте завтра. Только в театре сейчас репетиций не будет. До следующей недели.

– Вот и хорошо. А то я бы стесняться стал.

– Тогда приходите к театру на служебный вход. Во сколько вам удобно?

– В два часа. Если это вам удобно?

– Этак мы с вами будем долго раскланиваться да расшаркиваться друг перед дружкой. Мне вполне удобно. Так что приходите. Можете даже опоздать. Но ненамного!

– Ни в коем случае не опоздаю!

– Тогда до завтра! – распрощалась я и двинулась к выходу.

– Сударыня, а сдача? – остановил меня продавец, и мне пришлось вернуться.

12

Вынужденное безделье мы с бабушкой использовали с большой пользой. Весь остаток дня и первую половину следующего занимались, сверяясь время от времени с вопросами в присланной программе. Все же умный у меня дед. Умнющий! Я уже успела забыть, когда в последний раз ходила в гимназию, с дедом же мы занимались далеко не каждый день. Но все равно я знала от него даже больше, чем требовалось программой обучения. Пожалуй, можно было бы сдать экзамен и за следующий класс. Но тут бабушка меня остудил, велел не зазнаваться, а лучше еще раз решить примеры из геометрии.

Примеры решались легко, я даже о другом думать при этом успевала. Вот чего он бросил учиться в университете и пошел в театр? Был бы сейчас знаменитым инженером или даже профессором. Хотя при театре мне было не в пример интереснее, чем в любом другом месте. Да и деду тоже.

– Все! – сказала я, закрывая тетрадь и отодвигая учебники. – Пойду голову по свежему воздуху проветривать.

– Иди, заслужила! – счел возможным похвалить меня бабушка.

На улице было морозно, но я совершенно не замерзла. Прав был Дмитрий Сергеевич, если человек хорошо одет для зимнего времени, то мороз ему только в радость.

В двери театра мне пришлось постучать. Не припомню, чтобы хоть раз они были закрыты. Нет, конечно, на ночь театр запирали, но днем или даже утром было всегда уже не закрыто. Открыл мне Михалыч, который по ночам превращался из швейцара в сторожа. Он обрадовался моему приходу, видимо, тоже служил в театре по причине того, что здесь редко бывает скучно, а тут не первый уж день почти никто и не появлялся.

В театре было зябко. Раз нет репетиций, то дрова можно было экономить с полным на то правом.

Я объяснила Михалычу, что жду гостя, которому обещала показать театр, если он, Михалыч, не имеет к тому возражений. Михалыч никаких возражений не имел и даже вызвался включить в зале побольше электричества, чтобы не спотыкаться в полумраке. Я же по привычке зашла в комнату Михеича, чтобы раздеться, и оттуда выглянула в окно. На крыльце уже переминался с ноги на ногу Петя. Часы показывали без десяти минут от назначенного часа и он, должно быть, посчитал нужным дожждаться определенного времени в точности. Ну что за детская стеснительность! Временами он бойкий, даже излишне, но порой сверх меры скромненький. Пришлось спуститься и пригласить его.

– Я вот что собиралась у вас спросить, да все забывала, – обратилась я к нему, едва он снял свое пальто. – Разве вам не запрещено посещение театра?

– Э-э-э... Это вы про «Гимназический устав»? Так там написано, что гимназистам и учащимся реальных училищ²⁷ запрещено посещение увеселительных мероприятий, проводимых в вечернее время, а также и в иное время, если таковые мероприятия не предназначены специально для них и не утверждены инспектором по образованию. Еще не положено в любое время посещать некоторые заведения, но театр в тот список не входит. У нас же не увеселительное мероприятие? Ведь так? Скорее образовательного плана?

– Будем считать, что я ваш ответ приняла, так что прошу пройти в зал!

– А если бы я неправильно ответил, вы бы меня за двери выставили?

– Все может быть.

²⁷ **Реальные училища** – учебные заведения, где упор делался на изучение естественных и математических предметов. В отличие от гимназий, где больше внимания уделялось гуманитарным предметам.

Мы прошли прямо на сцену. Петя замер, оглядываясь кругом и не зная, с чего начать свои вопросы. Я решила помочь ему и заговорила о том, что было прямо перед нами – о зрительном зале.

– Пол в зале называют партер, переднюю часть перед сценой – паркет. Даже если паркетом пол и не выложен. Все одно здесь ставят кресла для самой изысканной публики. Дальше стоят стулья, а совсем дальше, в амфитеатре, нередко бывают и простые скамьи. По бокам располагаются ложи бенуара. Второй ярус – это бельэтаж. Там тоже есть ряды и ложи. Верхние ярусы – балкон и галерея, или раек.

– Раек – это потому что на самом верху?

– Ну да.

– Я это, в общем-то, знаю. Только никогда не видел с этой стороны, со сцены. Совершенно иначе смотрится. И сцена из зала куда больше кажется.

Он задрал голову вверх:

– А что там?

– Колосники. Специальное такое пространство, чтобы можно было подвесные декорации спрятать. Тогда в антракте или даже по ходу действия можно быстро поднять одну декорацию, а другую опустить. На одном полотне был лес, на втором уже замок. Это я к примеру.

Петя покивал, а я фыркнула, потому что сделал он это, не опуская головы и все еще что-то рассматривая под крышей. Не знаю что, но еще долго что-то высматривал наверху.

– А я ведь два раза в представлениях участвовал, – вдруг сообщил он мне.

– Не может быть, – удивилась я, хотя особо удивляться было нечему.

– Ну да. Правда, первый раз и вовсе можно не считать. Маменька моя как-то затеяла сцены и живые картины на дому показывать. Я еще маленький был, оттого не все досконально помню. Помню, что сцены из греческих мифов представляли. Одна из сцен была «Суд Париса». Меня нарядили в какой-то балахончик с крылышками сзади, и я по ходу дела должен был держать в руках яблоко. То самое, которое Парис в конце Афродите отдавал. Вот и вся роль. И то ведь не справился. Пока вокруг всякие непонятные для меня разговоры шли, я от скуки яблоко стал грызть. Не то чтобы совершенно съел, четвертинка осталась. Вот ту четвертинку прекраснейшей богине и передали. Смеху было! Господа исполнители потом даже уверяли публику, что это специально так было задумано, чтобы зрителей рассмешить.

Петя увлекся и рассказал все так живо, что и я расхохоталась.

– Вот и вы смеетесь, – загрустил рассказчик.

– Да вы не обижайтесь, история и впрямь комическая приключилась. Я вам при случае много подобных расскажу, в театре они часто случаются. А второй раз вы где играли?

– В Народной библиотеке. Там есть любительский театр, они на праздники представления устраивают. Отец, а раньше и мама им помогали, ну они меня и позвали как-то. У них в тот раз народу не хватало. Роль у меня без слов была, так что рассказывать особо нечего. Да и интересно там не так, как в настоящем театре. Там даже ramпы нет, просто помост и занавес. Вы мне лучше покажите, откуда гром гремит.

Я провела экскурсанта к задней боковой нише, в то место, откуда Михеич обычно издавал «громы и ветров шум».

– Вот ваш гром, – показала я на лист железа, одной стороной прикрепленный к деревянному коробу.

– Понял, по железу стучат колотушкой и получается гром.

– А вот и нет. Никто колотушкой не стучит. Сейчас покажу.

Я надела лежащие тут же рукавицы, чтобы не пораниться о железо, схватила за нижний край листа и встряхнула его. Раздался усиленный коробом грохот, весьма похожий на гром.

– У Михеича еще больше похоже было. Мне попросту силы недостает.

– А можно мне?

– Извольте, только рукавицы наденьте.

Петя трижды изобразил гром и остался очень доволен результатом, хотя по мне получилось у него еще хуже, чем у меня. С другой стороны, дело это не столь уж простое и требует тренировки. Потому я даже похвалила гостя.

– О, а это что такое? – заинтересовался он, завершив практическое изучение действия громоизрыгающего механизма.

– А вот послушайте, – велела я и взялась за один край большой плоской деревянной коробки, середина которой крепилась к специальному штативу таким образом, что все устройство было похоже на качели. Противоположный край опустил вниз, и из коробки послышался шум морских волн, набегающих на берег.

– Вот удивительно! – воскликнул Петя. – Как же так получается?

– Просто внутри насыпан сухой горох. Он перекачивается по дну коробки, которое устроено не плоским, а с ребрами, вот и получается такой звук.

– Никогда бы не догадался. А зачем эти железки висят?

– Вот по ним как раз бьют колотушкой. Вот этой. Не желаете попробовать?

– Желаю, очень даже желаю!

– Только не стучите со всей силы. Потихоньку.

Петя кивнул и ударил по самой массивной железной болванке.

– Так это колокол! – догадался он. – А это будут колокола поменьше, со звуком повыше?

Он тут же принялся проверять свои догадки и даже сумел исполнить нечто, схожее с благовестом²⁸. И стал озиаться по сторонам, явно в поисках нового приложения сил. Деревянные чашки вниманием он не удостоил, пришлось подсказывать:

– А вот этим можно стук копыт изображать. Берем эти деревянные чашки и стучим ими по доске. Нет, не плашмя опускаем, а одним краем с небольшим наклоном и только после прихлопываем всем ободом. Ну, примерно так. А теперь давайте в четыре руки.

– Это целый конный отряд получается, – воскликнул Петя, вдохновенно выстукивая ритм, соответствующий мелкой рыси. – А теперь давайте галопом!

Я кивнула, и мы застучали куда быстрее.

– И что, это все Михеич, простите, Григорий Михалыч придумал? – не без восторга в голосе спросил Петя.

– Нет. Почти все это было и до него известно. Но вот эти самые механизмы он сделал собственными руками и многое в них усовершенствовал. Вот короб в качестве резонатора для «громовой машины» приспособил. И многое другое придумал. Его даже в Александринский театр звали.

– Так чего же он не пошел? – удивился Петя.

– Не знаю. Может, из-за того, что непоседа по натуре своей. Может, иные причины были.

– Эх, какого талантливого человека убили! – воскликнул Петя и осекся.

– Вы не тушуйтесь, – подбодрила его я. – Я же не кисейная барышня, которая делает вид, что ничего не случилось. Мне и вправду горько, но это же не значит, что все нужно скорее забыть.

Петя понимающе покивал головой, аккуратно положил чашки на прежнее место и тихо произнес:

– А вам ничего не известно о ходе расследования?

²⁸ **Благовест** (то есть Благая весть) – церковный звон одним большим колоколом (в отличие от перезвона или трезвона), извещающий о начале богослужения. Он совершается так: сначала производится три редких, медленных протяжных удара, а затем следуют мерные удары.

– Откуда? И потом, отчего вы говорите шепотом?

– Ну, вы же разговаривали со следователем, – заговорил он чуть громче, но все равно вполголоса. – Опять же я слышал, что как раз вы и сообщили ему единственно достойные внимания факты.

Я пожала плечами: следователю, мол, виднее.

– Вас, видимо, просили ничего не говорить на эту тему? – вопрос прозвучал почти утвердительно, а потому я сказала:

– Ну вот, сами все понимаете, а пытаетесь расспрашивать.

– Нет, коли вы слово давали, то конечно... Но совсем же говорить на эту тему не запрещено?

– Не запрещено, – согласилась я.

– Тогда позвольте мне высказать свои рассуждения по этому вопросу? Я вот что думаю: убийство сделано не для ограбления. Так? Следовательно, это либо месть, либо убийство было совершено, чтобы скрыть нечто опасное для преступника, о чем прознали потерпевшие. Вот и надо подумать, что же такого могло быть известно кому-то из убитых?

– Полиция наверняка этим занимается.

– А вот и нет. У нас в доме был господин полицмейстер, о чем они с папенькой беседовали, я не знаю, но слышал, как он сказал уходя, что в прошлом личностей убитых ничего предосудительного замечено не было и определить с этой стороны мотив убийства не представляется возможным! Потому они сейчас сосредоточились на том, чтобы по возможности сократить круг подозреваемых.

Тут он смутился и счел нужным добавить:

– С меня никто не брал слова молчать об этом. И потом, я никому кроме вас не позволил бы этого сказать.

– Ну и что вы предлагаете? – не стала я укорять его за раскрытие служебной тайны. Невелика тайна, если поразмыслить, так любой человек к тому же выводу придет.

– Я полагаю, что никто в здравом уме не прибежит убивать людей без весомой причины. И еще полагаю, что если убитые были людьми добропорядочными, то это не значит, что не могли по чистой случайности узнать или услышать нечто. Нечто такое, чего преступник опасался раскрывать. Может, они и сами не догадывались, что страшную тайну узнали. Вот и предлагаю подумать над этим.

– Да что же здесь думать? Если даже полиция ни до чего не додумалась!

– А вот здесь вы неправы. Вы же читали рассказы про сыщика Путилина? Это вам не какой-нибудь придуманный Шерлок Холмс! Это настоящий сыщик из жизни! Так он говорил, что причина гибели жертвы зачастую кроется в ее прошлом!

– Что ж вы так о любимом Шерлоке Холмсе? То готовы за него до хрипоты спорить, то вдруг ни в грош не ставите.

– Холмс и Пинкертон персонажи придуманные. И читать про них интереснее, но в одном вы были правы – в жизни все случается иначе.

– Вот и я про то же. Нам же ровным счетом ничего неизвестно, а раз так, то хоть дедуктивный метод используйте, хоть «выстраивай кривую преступления», как это делает ваш Путилин, ничего не получишь.

– А вы мне расскажите, что вам известно. Вдруг мне чего в голову придет?

Я фыркнула, мне смешно стало, как какой-то мальчишка собирается сделать такое, на что неспособна полиция. Потом мне показалось, что дело не в полиции. Мне самой стало казаться, что все, что можно было сообразить, я уже сообразила и по этой причине отказываю в возможности сообразить что-то новое Пете. А в его словах были здравые рассуждения. И я стала ему столь же подробно, как до этого рассказывала полицмейстеру, а позже следователю, пересказывать все, что было мне известно.

Петя слушал внимательно, даже пометил кое-что, но, слава богу, не на манжете рубашки, как это часто делал Шерлок Холмс, а в крохотном блокнотике. Я закончила и спросила:

– Ну и какие выводы вы готовы сделать из полученной информации?

– Получается, что Григорий Михайлович и... – он взглянул в блокнотик, – ...Алексей Иванович имели кристальной чистоты репутацию.

– Совершенно справедливо.

– Более того, круг их общения столь же вне подозрений.

– И это справедливо.

– Остается господин Шишкин, – он еще раз сверился с блокнотом, – Митрофан Евлампиевич. Вот его персоной и следует заняться тщательнейшим образом.

– Это каким же манером?

– Это я вам завтра доложу, – изрек мой оппонент, убирая в карман блокнот. – Увы, мне пора уходить, но я надеюсь, что завтра мы сможем встретиться еще раз. Тем более что вы так и не показали мне самое важное в театре, а именно, как и где работает суфлер.

Выдав эту тираду с самым серьезным видом, он растянул рот до ушей, наслаждаясь произведенным на меня эффектом.

– Ах вы, негодник! – возмутилась я вполне искренне. – Я уже собралась обидеться на вас за невнимание и пренебрежение к должности суфлера, а вы приберегли это как повод, чтобы добиться следующей встречи. Вы шантажист, сударь!

– Как вы, сударыня, изволите выражаться, совершенно справедливо! – Судя по расплывшейся физиономии, мой собеседник был до крайности доволен результатами своей каверзы.

– Ну да ладно, приходите уж завтра, – дозволила я.

– Quand vous etez en colère, vous etez plus charmant!²⁹ – вместо ответа произнес он по-французски.

И опять я чуть было не попалась и не ответила ему на французском же. Но вовремя спохватилась и сказала:

– Не вполне вежливо говорить при человеке на языке, которого тот не понимает.

– Pardonnez-moi cet oubli!³⁰ Я сказал, что если вам будет удобно, то давайте встретимся вновь завтра в это же время.

– Да удобно мне, так что приходите, но не стойте на морозе, а заходите или, в крайнем случае, стучитесь.

²⁹ Когда вы гневаетесь, вы становитесь еще прекраснее! (фр.)

³⁰ Простите мою забывчивость! (фр.)

13

Я пошла провожать гостя, и тут выяснилось, что в театре помимо нас и Михалыча есть и иные люди. У господина Корсакова, как у антрепренера, имелся свой кабинет. Настоящий кабинет, в котором и серьезных гостей было незастенчиво принимать. Но он предпочитал все встречи, за исключением самых важных, проводить в своей уборной. Оттуда-то и доносились сейчас голоса.

– Помилуйте, уважаемый Арон Моисеевич, никак невозможно обойтись без арфы. Мне именно арфа нужна и ничто иное, – рассерженно и громко говорил наш антрепренер.

– Нет, это вы меня помилуйте, Александр Александрович, – отбивался невидимый нам Арон Моисеевич, – где же я возьму арфу, коли ее во всем городе нету. Раз у вас такая нужда в арфе, извольте выписать арфу из столицы, и ее вам доставят!

– Когда доставят? К окончанию сезона, когда она уже и ненадобна вовсе будет? Неужто вы не способны найти такой простой инструмент? – не унимался господин Корсаков. – Вы же член Императорского Музыкального общества, известный на всю округу музыкант! Спросите у иных членов общества, у простых знакомых, в конце концов.

– Я уж всех расспрашивал, и членов общества, и не имеющих к нему отношения: нету арфы. Хоть убейте!

Мы невольно остановились, прислушавшись к разговору, что, возможно, было не вполне вежливо, но, как оказалось, с пользой для дела.

– А у нас дома есть арфа, – неожиданно сказал мне Петя. – Маменька раньше играла, а теперь она без дела стоит.

– Как вы думаете, Петя, ваш отец позволит воспользоваться ею?

– Папа, вообще-то, не разрешает маменькины вещи трогать. Но вы же знаете, как он любит театр?

– Так давайте скажем об этом Александру Александровичу.

– Давайте вы сама ему скажете, а то мне уже пора идти, – вновь отчего-то смутился гость. – *Au revoir, mademoiselle.*³¹

– Всего доброго!

Петя умчался, а мне пришлось задержаться. Влезать посреди разговора было бы неприлично, и я решила дожидаться его завершения и сказать обо всем один на один с Александром Александровичем. Впрочем, тот почти сразу и появился в расстроенных чувствах из-за отсутствия столь необходимого ему музыкального инструмента. Его собеседник, Арон Моисеевич, который по контракту заведовал у нас в театре оркестром, тоже был не в духе. Оркестр он собрал небольшой, но очень слаженный, и играли все музыканты весьма недурно. Вот только с господином антрепренером постоянно возникали мелкие недоразумения: то он требовал, чтобы там, где, по мнению Арона Моисеевича, должна была звучать флейта, непременно звучала труба. То что-то иное, но столь же несусветное с точки зрения дирижера. Вот и в арфе он, судя по всему, не видел особой нужды и был расстроен от такой настойчивости господина Корсакова.

– Вы уж еще раз постарайтесь разузнать, – сказал ему Александр Александрович, прощаясь. – Очень мне не хочется от арфы отказываться.

– Хорошо, – сдался музыкант. – Еще раз постараюсь.

– Да вот еще! Все забываю вас спросить, как так случилось, что у вас при вашем-то имени и отчестве получилась фамилия Кукушкин?

– А что вас смущает? – насторожился Арон Моисеевич.

³¹ До свидания, мадмуазель (*фр.*).

– Да, собственно, ничего не смущает! Просто чаще бывает обратное. Вот скрипач наш – Коган, но притом Владимир Ильич. И это мне понятно. А насчет вас, так это чистое любопытство. Можете и не отвечать вовсе.

– Все очень просто. Я женат на госпоже Кукушкиной. Хотя такое и редко встречается, но я при вступлении в брак взял фамилию супруги.

– То есть вы хотите сказать, – безмерно удивился артист, – что у вашей супруги Сары Абрамовны?..

– Совершенно верно, – кивнул музыкант. – Моя супруга до замужества со мной была вдовой господина Бориса Борисовича Кукушкина. Засим дозвольте откланяться, побегу разыскивать треклятую арфу.

Музыкант удалился в сторону лестницы, а Александр Александрович произнес вслед ему задумчивое «Мм-да-а!» и соизволил заметить мою скромную персону.

– Здравствуйте, сударыня! Вам также не сидится дома, как и мне?

– Не сидится.

– Впрочем, рад нашей встрече. С чего-то именно у вас давно хотел спросить, не посоветуете ли, какую пьесу мне выбрать для бенефиса?

– А тут и думать нечего. Возьмите сочинение Фридриха Шиллера «Братья-разбойники». У вас должен очень хорошо получиться Карл Моор. Да и в целом пьеса весьма хороша, и для иных ролей у нас в труппе есть достойные исполнители.

– Вот! – воскликнул актер. – А Екатерина Дмитриевна меня, можно сказать, отговаривает.

– Боюсь, что Екатерина Дмитриевна в данном случае просто капризничает. Она хотела сыграть Гертруду на своем бенефисе, а вы решили поставить «Гамлета» прямо сейчас как обычную премьеру.

– Так что же она мне не сказала? Вот ведь вам же сказала! – искренне удивился антрепренер.

– Да она никому этого не говорила. У нее на тексте роли было помечено «Для бенефиса», я случайно заметила.

– Некрасиво получилось. Ну, да и сама Катенька могла бы сказать. Опять же при ее таланте для бенефиса ролей найдется великое множество. Но все равно, надо перед ней извиниться. Простите, вы порываетесь что-то сказать, а я и не замечаю. Слушаю вас самым внимательным образом.

– А зачем вам арфа?

– Как зачем? Мы тут затеем водевиль господина Каратыгина, вот мне и надобна арфа для аккомпанеента куплетам.

– Арфа есть в доме господина градоначальника. Я только что о том совершенно случайно узнала. На ней играла его покойная жена, так вы уж постарайтесь проявить тактичность, когда будете просить.

– А когда это я был бестактен?

– Да хоть с Екатериной Дмитриевной. Могли бы увидеть ее недовольство, но даже спросить не удосужились.

– Ох и горазды вы, Дарья Владимировна, выговоры устраивать. Но вы правы, а я виноват. Спасибо, что подсказали. Ну и за арфу отдельное спасибо. И за Шиллера еще одно.

14

На следующий день, когда мы встретились с Петей, я ждала, что он с места в карьер начнет говорить о расследовании убийства. Но он как раз весьма тактично начал с просьбы показать ему будку суфлера. Поерзав на жестком и высоком стуле, он потрогал за чем-то лампочку, а затем попросил разрешения проверить себя в качестве суфлера.

– Давайте, вы будете как бы играть роль и понарошку забывать текст, а я вам буду отсюда подсказывать?

Я открыла книгу – здесь с прошлого раза оставалась лежать пьеса про «Принца Гамлета» – и пояснила, как нужно говорить подсказки. А раз я была единственной актрисой, то пришлось поискать монолог. Или просто большой кусок текста одного из героев. Первое, что попало на глаза, была длинная реплика Полония.

Выбравшись на сцену, я встала в позу: закинула голову вверх, одну руку приложила ко лбу, другую отвела в сторону и назад, после чего воскликнула с дрожью в голосе и чуть завывая, как это порой делали плохие трагики:

– Силки для птиц! Пока играла кровь,

И я на клятвы не скупился, помню.

Петя засмеялся. Хотя я и специально старалась его насмешить, но замечание ему сделала:

– А вот смеяться суфлеру не дозволено ни при каких обстоятельствах. Из суфлерской будки видно многое, чего из зала не увидишь. Порой и смешно бывает. Но смеяться никак нельзя – вдруг в зале слышно будет, да и сбиться легко, текст потерять. Так что перестаньте хохотать и извольте работать.

Я начала заново, прочитала три строки и сделала паузу. Петя понял и текст подсказал:

– Нет, эти вспышки не дают тепла,
Слепят на миг и гаснут в обещанье.

Но сделал он подсказку каким-то противным свистящим шепотом. Пришлось объяснять, как правильно приглушать звук, чтобы все сказанное оставалось понятным и четким. Нужного результата мы так и не достигли, хотя сдвиги в положительную сторону были очевидны. Что я и сообщила ученику суфлера. Петя счел это за похвалу:

– Мне бы пару раз прорепетировать, я еще лучше смогу. Пожалуй, попрошусь в суфлеры к Николя Массалитинову, когда они у себя в народном театре станут новую пьесу ставить.

Мы еще посмотрели подъемные механизмы, и лишь после того Петя заговорил про расследование.

– Я вот насчет вчерашнего разговора хотел сказать. Похвалиться мне нечем, лишь самое очевидное в голову приходит. А очевидное состоит в том, что главным подозреваемым у нас является господин Шишкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 59,90р. (на 04.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.